Тк 33818
0-66

Система
продовольственных
заготовок

1920 г.

КУР

З68

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

33878
О-66
66

Н. ОРЛОВ.

СИСТЕМА ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ ЗАГОТОВОК.

991885

К оценке работ заготовительных экспедиций А. Г. Шлихтера.

(С предисловием и примечаниями А. Шлихтера).

ТАМБОВ.
Отделение Госиздательства
1920

Школа Печатников Полиграфического производства
в Тамбове. 2000 экз

БИБЛИОТЕКА
имени
А. С. ПУШКИНА

Подольская
Орлов
Подольская

"УТВЕРЖДАЮ"
Директор Винницкой областной
библиотеки им. Тимирязова

/ И. Филипповский /.

_________ 19__ г.

АКТ

9 декабря 1970 г.

Составлено настоящий в том, что Винницкая областная библиотека им. К.А. Тимирязова из книгообменного фонда передала литературу Тамбовской областной библиотеки им. А.С. Пушкина

на основании Постановления Совета Министров СССР от 5.I-1959г.

печатных единиц 7
общей стоимостью ______________
прописью

согласно прилагаемому списку на ________ страницах.

Литература сдал
Литературу принял

Рт. ОБТ. Тир.500прим.
Зам. №12. 23/III-1970р.

Орлов
19/8949

Подольская Центральная Библиотека
Орлов
38 1.
О 66

СИСТЕМА продовольственных ЗАГОТОВОК

К оценке работ заготовительных экспедиций А. Г. Шлихтера.

(С предисловием и примечаниями А. Шлихтера).

„МУРИ“
Подольская Центральная Библиотека

ТАМБОВ
Школа Печатников Полиграфического производства
1920

Перевірено
1937 р.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Система разверстки Л. Т. Шлихтера.

Стр.

Предисловие . . . . I—XI.

1. Организация работ в Вятской губ 1
2. Вятские заготовки и реализация заготовленного хлеба . . . 17
3. Ликвидация вятских работ 23
4. Организационные работы в Тульской губернии 25
5. Договоры разверстки 39
6. Ссыпка договоренного хлеба 44
7. Реализация заготовленных продуктов 53
8. Распределение фабрикатов 61
9. Финансовый результат вятской и ефремовской заготовок . . 67
10. Несколько слов о сторонних делах 84

ПРЕДИСЛОВИЕ.

К техническим приемам извлечения хлеба от крестьян наркомпрод подходил ощупью. Как и во всех вообще отраслях нашей советской практики, так и в данном случае сама жизнь дала указания тех путей, какими наиболее целесообразно возможно осуществлять государственную разверстку хлеба. Вначале наркомпрод чисто теоретическим, абстрактным путем наметил один шаг, одну меру, которая была положена в основание разверстки летом 1918 г. Этот первый шаг заключался в установлении тех продовольственных норм потребления, на которые в силу соответствующего декрета каждый крестьянин имел право. Этот декрет устанавливал, что государство оставляет за собой право распоряжаться лишь *излишками* хлеба, лишь теми остатками, которые получаются у каждого посевщика за выключением продовольственных и кормовых норм, нужных этому посевщику для членов своей семьи и своего живого инвентаря на весь сельско-хозяйственный год.

Но стоило только практически прикоснуться к вопросу о том, *как же* извлекать эти излишки, как перед продовольственной практикой во всей неотложности встала задача об изыскании практических форм выполнения декрета о ссыпке излишков на государственные пункты.

Прекрасный сам по себе и наиболее справедливый метод извлечения излишков предполагает необходимость предварительного учета не по *средним* статистическим данным о посевной площади, урожайности, высеве и потреблении, а по ***конкретному учету*** сбора хлебов и исчисления излишков по конкретным хозяйствам. Только при таком условии, при условии конкретного учета излишков в *каждом хозяйстве* имел бы смысл в глазах крестьянского населения и самый метод извлечения хлеба по принципу излишков.

Но не надо много думать для того, чтобы понять, что практическое осуществление учета излишков по конкретным хозяйствам дало бы нам прекрасный экономический материал для весьма и весьма ценных выводов о земледельческом хозяйстве деревни, но не дало бы нам хлеба тогда, когда он нужен. Так именно случи-

лось и с продовольственной практикой одного из наиболее деятельных сторонников метода конкретного учета, председателя Петрокоммуны т. Бадаева, который вместе с петроградским отрядом рабочих летом 1918 г. пробовал победить упорство вятского мужика учетом его излишков, подлежащих отчуждению в распоряжение советской республики на основании декрета.

Продовольственная методология в нашей советской практике пригодна и хороша только такая и только в том случае, если осуществление ее принципов может быть доступно нашим силам не по истечении многих месяцев, а *сейчас*. Я не говорю уже о том, что и по другим причинам метод извлечения хлеба по излишкам может рассматриваться удовлетворительным только с точки зрения общей руководящей предпосылки, могущей служить для населения разъяснением того, чего хочет от него государство, но не более. Ведь если задаваться целью брать от крестьян только излишки по конкретному учету последних в каждом хозяйстве, то надо и исчисление урожайности и высева, как первых и основных моментов для определения излишков производить тоже по непосредственному конкретному учету, ибо те средние статистические данные о посевной площади и об урожайности, которые имеются в нашем распоряжении за многие годы и являются вполне обоснованным и научно пригодным материалом для суждения о *среднем* состоянии нашего земледельческого хозяйства, — эти средние не могут быть убедительными в глазах крестьян, как обладателей реальных хлебных ценностей в том случае, если эти средние расходятся с фактической высотой урожайности его полей и с фактическими потребностями *его* семьи и *его* хозяйства. Эта реальная обстановка, определяющая в конце концов ту или иную высоту излишков в конкретном хозяйстве, всегда будет или выше или ниже среднего.

Эти общеизвестные соображения о среднем учете излишков сразу же дали себя знать и в моей практике извлечения хлебных излишков по декрету, когда мне пришлось эту практику осуществлять сначала в Вятской губернии, а потом в Епифанском уезде Тульской губернии. Дилемма: или учет, или хлеб — сразу же встала передо мной во всей [illegible]. Жизнь [illegible] требовала, чтобы [illegible] хлеба [illegible] излишков, как [illegible] статистический материал, [illegible] с помощью которого [illegible] продовольственный [illegible] крестьянской [illegible] государство [illegible] Игнорировать [illegible]

стьянского *примирения* с вопросом об отдаче ими хлеба государству, игнорировать этими интересами во имя точного формального выполнения текстуальных требований декрета - может только безнадежный продовольственный схоластик.

Но, с другой стороны, та же жизнь и те же интересы революции требовали наполнения государственных ссыпных пунктов сейчас, неотложно, ибо только таким путем возможно было осуществлять сметные предположения государства по продовольственному вопросу, и только при осуществлении продовольственных смет можно было вести гражданскую войну за революцию.

Как было найти выход? Как и всегда, выход в подобного рода случаях дается нам самой жизнью, если мы не пренебрегаем ее указаниями, если мы даем себе труд разбираться в *реальных* возможностях по пути осуществления наших основных задач и целей. Для меня было ясно, что пробовать осуществлять задачи ссыпки помимо предварительного массового привлечения к этому вопросу самого же населения, помимо согласования с этим населением было бы нелепостью. Моя экспедиция, правда, при таком взгляде на продовольственную практику не погрешила бы методологической девственностью учетно-статистической работы, не отклонилась бы от прямых требований декрета об излишках, но зато дала бы хлеба тем, кому он был нужен, нужен именно в тот момент, быть может, гораздо в большей степени, чем когда бы то ни было позже.

Я только что сказал, что в такого рода вопросах надо внимательно прислушиваться к тем указаниям, которые дает сама жизнь. В данном случае этих указаний не надо было искать путем аналитического какого-нибудь кабинетного изучения тех или иных моментов хозяйственной жизни и крестьянского настроения деревни Вятской и Ефремовской. Надо было только внимательно прислушиваться к тому, что по данному вопросу начали предлагать агентам моей экспедиции *сами крестьяне* в разных углах действия моей экспедиции. [illegible]

[illegible]

IV.

крестьянами в деле определения суммарных количеств излишков по волостям (расчисление велось по волостям) является единственным, наиболее рациональным в данный момент средством для того, чтобы *максимальное* при данных условиях извлечение хлеба могло быть осуществлено при *минимальном* раздражении и недовольстве крестьян на советскую власть из-за фактически *принудительного извлечения хлеба* по твердым ценам, и тогда во много раз меньшим, чем вольные цены.

Крестьянство щедро платило мне за мою готовность прислушаться к его заявлениям, к его уверениям о том, что оно может дать и чего не может: оно везде, во всех волостях соглашалось заключать со мной формальные, юридически, конечно, ни в малейшей степени для него не обязательные договоры, устанавливающие обязательство беспрекословного выполнения разверстки в цифрах, достигнутых обоюдным соглашением.

Надо ли говорить о том, что в процессе этого соглашения одна сторона, крестьяне, стремились во всех без исключения случаях преуменьшить величину разверстки, фактически для них выполнимую, а другая сторона, мы, продовольственники, добивались того, чтобы имевшимися в наших руках в готовом виде, полученными из Наркомпрода и губпродкома средними статистическими выкладками, приблизить предлагаемые крестьянами разверсточные нормы до высоты наших статистических предположений.

Следует отметить любопытный факт, что крестьяне во всех случаях очень охотно шли на исчисление излишков посредством применения, во-первых, декретированных Наркомпродом норм крестьянского потребления и, во-вторых, тех норм валового сбора, которые были в наших руках. Сразу же, на первом нашем совещании с крестьянами, для нас сделалось ясным, и крестьяне также это очень скоро уяснили для себя, что исчисление излишков при посредстве этих официальных данных было бы весьма выгодным и прибыльным не продовольственным ссыпным пунктам, а именно крестьянам. Принимая во внимание поправки на валовую урожайность к средним статистическим величинам ее, определенным губпродкомами (и Вятским, и Тульским), поправки, которые делались на сходах крестьянами и от которых мы просто отмахиваться не могли бы, сразу же делалось очевидным, что при таких поправках в виде общего правила пришлось бы говорить с крестьянами не об излишках, а о недостачах. Эта фактическая справка служит иллюстрацией к тем соображениям, на которых я уже останавливался выше, о том, что в деле разверстки слепое следование кабинетным путем добытым цифровым выкладкам как об урожае, так и о нормах потребления привело бы нас в тупик, в котором мы не нашли бы ни одного фунта хлеба.

V.

Так в двух словах сама собой возникла при соприкосновении нашем с живой действительностью мысль о методе конкретного разверстания хлебной повинности по волостям путем сговора с представителями всех сел каждой волости на волостных сходах

Само собой разумеется, что эти сговоры, эти миролюбивые соглашения были бы совершенно неосуществимыми, если бы моя экспедиция не располагала вооруженной силой продовольственного отряда, имевшейся в ее распоряжении. О наличности такой силы знали крестьяне, с которыми мы вступали в договорные соглашения. Они не только знали помимо нас, но знали и потому, что мы не считали нужным скрывать перед крестьянами право пролетарского государства добывать хлеб путем организованного насилия в том случае, если крестьянство совершенно отказывается от поддержки рабочих хлебом хотя бы в тех размерах, какие устанавливались нашим миролюбивым соглашением. Было бы наивностью думать, что хлеб на государственные ссыпные пункты можно было бы добывать не только тогда, еще в 1918 году, но и теперь, спустя три года нашей революции, без принудительного характера разверстки, без реальной угрозы перед крестьянином столкнуться с вооруженной силой в том случае, если он будет упорствовать в выполнении возлагаемых на него государством обязанностей

Но в том-то и дело, что при наличности вооруженной силы, как побудительного стимула для крестьянина в выполнении хлебной разверстки, отнюдь не обязательно то кажущееся многим неизбежным последствие, которое сводится к раздражению крестьянских масс и таким путем, в конце концов, служит источником вспышек крестьянских восстаний. Крестьянство вообще привыкло к повинностям и ничего не имеет против несения государственных повинностей, но оно скрыто, пассивно протестовало раньше, и, само собой разумеется, еще в большей степени, открыто и активно, протестует теперь против тех конкретных форм осуществления повинностей, с которыми к крестьянам подходят представители советской власти на местах. Форма сговора и преследовала именно эти задачи, задачи создания в деле хлебной повинности такой обстановки, которая бы крестьянами *считалась обеспечивающей их право на участие в разверстке хлебной повинности* наравне с агентами власти

Но было бы заблуждением думать, что в деле извлечения хлебных рессурсов надо было бы остановиться именно на этой стадии методов осуществления разверстки, т. е. на форме добровольного соглашения с крестьянами о размерах причитающейся с них разверстки. Метод фактического осуществления разверстки с помощью добровольного соглашения мог и должен был послужить *лишь материалом для указания наркомпроду о том, что надо было делать в этом отношении дальше.*

VI.

Практика Вятской и Ефремовской экспедиции показала наркомпроду, что в отвлеченный декрет о праве государства на излишки надо влить конкретные формы, надо показать способы определения этих излишков,—во первых, и во вторых, высказаться по вопросу о том, надо ли эти способы разнообразить в связи с местными условиями той или иной территории, благодаря тем или иным социальным и политическим условиям данного момента, или признать принцип однообразного исчисления разверстки необходимым для всей республики.

Наркомпрод совершенно правильно учел практику Ефремовской экспедиции: он признал, во-первых, метод разверстки хлебной повинности единственным, *реальным* методом, могущим обеспечить республику хлебом не на словах, а на деле, и, во-вторых, этот метод решил впредь применять на территории всей республики, исходя из соображений *сметных потребностей в хлебе* для республики, а не *наличности излишков*, определяемых соблюдением строго научных приемов статистического исчисления. Таким образом сейчас пролетарское государство, определяя величину продовольственной разверстки на основании своих выкладок, не говорит об излишках хлеба в крестьянском хозяйстве, а говорит о потребностях в хлебе для советской республики.

На первый взгляд может показаться, что при таких условиях вопрос о договоре с крестьянами, попытка найти с ними пути для наиболее безболезненного и миролюбивого соглашения,—что такой вопрос было бы наивно даже поднимать, что в настоящее время продовольственная практика сводится к требованию реально показывать и доказывать крестьянину его обязанность безпрекословно подчиняться велениям государства и [illegible]. В действительности же это совсем не так, и вопрос о договоре с крестьянством, при наличности принципа [illegible] государственной разверстки, совсем не представляется в настоящее время ни пустым, ни [illegible] общих [illegible] интересов страны.

[illegible]

которых работа начиналась. Теперь же при осуществлении принципа разверстки самим наркомпродом, заготовительные перспективы заранее фиксируются в погубернских величинах самим наркомпродом и передаются на места в качестве директив, подлежащих выполнению. Таким образом местные органы связаны итоговой суммой. суммой продовольственных смет наркомпрода, но они совершенно не связаны распределением этой суммы не только по уездным территориям в целом, но—что особенно важно располагают полной свободой действий в распределении уездных величин разверстки на самих плательщиков, т. е., в перенесении тяжести хлебной повинности непосредственно на того, на кого пролетарское государство эту тяжесть налагает.

Пользуются ли местные органы этой свободой распределения так, как им надо было бы пользоваться? Проявляют ли они в деле выполнения фиксированной погубернской разверстки, даваемой наркомпродом, кроме стремления выполнить эту разверстку, еще и инициативу распределить ее с наибольшим вниманием к фактическому положению вещей, с наибольшей „справедливостью", как этого требует крестьянин, к его личным нуждам, его хозяйственным ресурсам?

Нет, надо прямо сказать что в этом отношении в деятельности органов наркомпрода мы встречаемся еще с почти незатронутым вопросом. Наркомпрод за истекшие годы сумел создать дееспособные энергичные аппараты продовольственного фиска, но еще ничего не предпринял для того, чтобы эти аппараты, кроме их конечных результатов фиска, сделать политическими щупальцами советской власти, щупальцами, быть может, в гораздо большей степени, чем другие советские органы, способными как *[illegible]* население в общественные интересы, *[illegible]* его к советской власти, так и *[illegible]*, *[illegible]* от этой власти.

В данном случае я говорю не об агитационных приемах продовольственных органов как таковых, не о лекциях, листовках и брошюрах, не о таких темах, как, напр., вопрос о соответствии советской власти интересам трудящихся масс или вопрос о единственном способе выхода из разрухи путем доведения социалистической революции до конца или о других им подобных агитационных темах, с которыми эти органы [illegible] в [illegible] степени выступают и теперь перед деревней. [illegible]

[illegible] [illegible]

Этот метод обложения крестьянских масс хлебной повинностью целесообразен не только потому, что личное участие крестьянских уполномоченных в этой разверстке создает вокруг этой разверстки атмосферу большего доверия к продовольственным агентам, больше примиряет деревню с хлебной повинностью, падающей на волость и, в конечном счете, на самого посевщика. И едва ли можно сомневаться, что и *такой* эффект сам по себе стоит многих и многих тысяч пудов хлеба. Но не только этим эффектом может сопровождаться привлечение представительства крестьянских масс к разверстанию повинностей по волостям, селам и дворам.

Самый трудный и самый ответственный момент в распределении разверстки заключается в определении тех норм, которые падают на каждый двор. Кто решится сказать, что в этом отношении обложение двора производится с соблюдением всех условий „справедливости"? Всякий, кому приходилось работать *на местах*, кто бывал на этих местах, скажет, что в этом отношении возможны ошибки. Ошибки эти, даже вполне добросовестно совершаемые и объясняющиеся темнотой и неумелостью наших волосветских и сельсоветских агентов, все же остаются реальными ошибками и не могут оставлять в крестьянской среде ничего, кроме горечи и жалоб—в лучшем случае, возмущения и раздражения—в худшем.

Чтобы не быть голословным, я дам здесь одну разверсточную табличку, с которой мне пришлось по совершенно случайному поводу ознакомиться в одной волости Тамбовского уезда. Вследствие жалобы одного из местных жителей Княже-Богородицкой волости на неправильную разверстку масла я побывал в этой волости и заинтересовался способом вычисления масленой разверстки по селениям. В результате я столкнулся со следующим фактом:

Название сел.	Число коров, подлежащих обложению.	Сколько всего масла причитается по норме 8 ф. с коровы.	Сколько всего разверстано волсоветом.	Сколько в среднем приходится на 1 корову по разверстке волсовета.
Князево	270	54 п. — ф.	[illegible] п. 30 ф.	5 ф.
Пару Тамбов	119	23 „ 32 „	21 „ 30 „	7 „
Буерак	52	10 „ 16 „	13 „ — „	10 „
Ахтырка	60	12 „ — „	15 „ — „	10 „
Савино	14	2 „ 32 „	3 „ 20 „	10 „
Сухотино	183	36 „ 24 „	41 „ 30 „	9 „
Царевка	58	11 „ 24 „	14 „ 20 „	10 „
Преображенское	46	9 „ 8 „	11 „ 20 „	10 „
Усть-кензар . .	24	4 „ 8 „	15 „ 10 „	29 „
Козелец	46	9 „ 8 „	11 „ 20 „	10 „
Андреевка	45	9 „ — „	11 „ 10 „	10 „
Петровка	59	11 „ 32 „	14 „ 30 „	10 „
Итого	973	194 п. 24 ф.	209 п. 20 ф.	8.5 ф.

К чему здесь свелась та однообразная норма в 8 фунтов на дойную корову, которую наложил наркомпрод? В каком виде эта норма долетела бы до непосредственного владельца коровы в разных селах Княже-Богородицкой волости, если бы эта разверстка стала осуществляться? Чтобы представить себе ту сумятицу, которую подобная разверстка произвела бы в душе темного, плохо разбирающегося в арифметических выкладках крестьянина, надо только сравнить данные, взятые для обложения в Ахтырке и в Усть-Кензаре: в Ахтырке 60 коров, с которых предположено было взять 15 пудов, а в Усть-Кензаре коров почти *в 3 раза меньше* (21), масла же надо было бы взять по исчисленной раскладке *больше*, чем в Ахтырке, т. е., 15 п. 10 ф. Такая очевидная и действительная несправедливость наглядно бросалась бы в глаза самому темному, самому малограмотному крестьянину.

Чтобы правильно осветить приводимый мною факт надо отбросить мысль о каком-нибудь злоупотреблении в данном случае. Я лично в этом деле разбирался и выяснил, что все дело сводится к неправильным, полученным от сел, сведениям о количестве коров в Усть-Кензаре, а неправильные сведения даны опять-таки не потому, что здесь был злостный умысел обмануть волсовет, а потому, что в этой местности была чумная эпизоотия, и в момент, когда эти сведения были выписаны, коров действительно было 21. К моменту же сбора масла коров было „гораздо больше", по уверениям действовавшего в этой волости продовольственного волостного агента, но сколько, он сказать мне не мог.

Спрашивается, могла ли бы иметь место подобная ошибка, если бы разверстка в поволостном масштабе осуществлялась не кабинетным путем, а с помощью самих крестьян? Надо ли отвечать на этот ясный и очевидный вопрос?! Вот о *таком* именно привлечении крестьянских масс к распределению хлеба и других разверсток, о таком приближении живых людей деревни с ее не средней, не статистической, а *живой* действительностью своевременно в спешном порядке подумать центральной власти, и прежде всего, конечно, наркомпроду.

Прекрасные аппараты продовольственного фиска—это огромное дело нашей советской практики, но это не все дело. Этого мало, и с каждым днем наша действительность убеждает нас в том, что этого слишком мало и что, если мы по прежнему будем проходить мимо ультимативной необходимости привлечения крестьянских масс к распределению губернских и уездных разверсток при их участии, путем сговора и договорного соглашения с ними, то от этого неизбежно будут страдать не только политические интересы советской власти, но и материальные продовольственные интересы страны. В этом отношении меня также убеждают факты, имевшие место в Тамбов-

ской же губернии. В кампанию прошлого 1919—20 г. продовольственный аппарат, как аппарат фиска, работал прекрасно, с точки зрения безоговорочного выполнения разверстки, данной центром. Но, осуществляя задачи только фиска, систематически игнорируя необходимость привлечения деревни к *деловому* участию ее в распределении хлебных нарядов по посевщикам, губпродком и его агенты на местах создали атмосферу злобы и раздражния к самому имени „продовольственник" и к продовольственной разветстке, как таковой, безотносительно к ее справедливости или несправедливости.

Посеянные в прошлом году семена фискального осуществления разверстки дали всходы в этом году, которыми хотели было воспользоваться контр-революционные банды местных эсеров. Конечно, тамбовские эсеры не свалят советской власти, тамбовский крестьянин не сможет остаться в стороне от выполнения государственной хлебной повинности, которую он *должен* нести во имя охраны советской республики от покушений мирового империализма.

Но надо ли говорить о том, что эти уроки жизни мы обязаны учитывать, обязаны помнить не только об интересах продовольственного фиска, а и о задачах *общей советской работы в целом?* Нисколько не преувеличивая скромной работы моей вятской и ефремовской экспедиции, я позволю себе лишь в связи с этим основным своим взглядом на дело, на продовольственную *практику* отметить, что участие крестьянских масс в лице их представителей в деле непосредственой разверстки на посевщика не только гарантировало бы республику от безрасудных крестьянских вспышек на почве продовольственных разверсток, но давало бы и в материальном смысле прекрасные результаты нашей продовольственной работы. Опыт ефремовской ссыпки показывает, что, в конце концов, хлеба было дано по Ефремовскому уезду гораздо больше, чем крестьяне обязались по договорам его вывезти. Я позволю себе высказать уверенность, что, применяя этот метод в обще-российском масштабе метод участия самого населения в распределении фиксированной наркомпродом разверстки по волостям и селам, государство сможет получить не только те 50% разверстки, которые обыкновенно до сих пор удавалось извлечь из крестьянских амбаров, но гораздо больше.

Эта уверенность обосновывается на том факте, что обычно извлечение только 50% разверстки об'ясняется не тем, что наркомпрод дает преувеличенную, дутую разверстку на губернии, превышающую естественные рессурсы излишков по всей территории государства в целом. Этот недобор об'ясняется, по моему глубокому убеждению, тем, что крестьянин не желает давать ни фунта больше того, что мы отбираем у него под угрозой вооруженных продовольственных отрядов. Для того, чтобы он дал больше, дл

того, чтобы психологически сделался возможным тот эффект, который получился в Ефремовском уезде, надо перенести тяжесть конкретной похозяйственной разверстки на плечи самого населения, надо обеспечить ему в этом деловую инициативу, надо обнаружить со стороны продовольственных органов всемерное внимание к требованию крестьян дать высказаться, поделиться с государственной властью о том, что они могут и чего не могут дать. Я ни минуты не сомневаюсь, что при таких условиях ефремовский факт сверхдоговорного, так сказать, выполнения излишков не будет единственным, каким он был до сих пор.

Задача, которую ставит перед продовольственниками ефремовский опыт сводится в двух словах к следующему: техническая организация советских продовольственных апаратов наркомпродом почти уже закончена; организация же формы советскаго общения продовольственной органов с крестьянской массой, организация продовольственной *практики*, как системы коммунистического просвещения крестьянских масс помощью *деловой* агитации,—такая организация продовольственных работ еще не начата и предоставлена всецело индивидуальной инициативе местных работников. Нельзя не пожелать, чтобы эта неотложная задача была разрешена в спешном порядке руководящими указаниями центра, столь же точными, ясными и ультимативными, как и приказы о выполнении разверстки по нарядам наркомпрода.

А. Шлихтер.

г. Тамбов. 8 октября.

Система разверстки А. Г. Шлихтера.

Система разверстки, являющаяся преддверием полной монополизации продуктов сельского хозяйства, примененная впервые в Советской России А. Г. Шлихтером и позднее принятая Наркомпродом, оказалась весьма целесообразной—не только по своим материальным результатам, но и по тем организующим влияниям на крестьянство, которые неразрывно с нею связаны.

Архив экспедиции А. Г. Шлихтера, которым мы пользуемся, весьма скуден

Картину работ экспедиции приходится восстанавливать по отдельным письменным клочкам. Не может быть и речи о том, что последующее изложение безупречно—в смысле полноты и фактической точности. Но мы полагаем, что общие контуры наброшены нами правильно, а оценка отдельных явлений вытекает не из предвзятой мысли.

I. Организация работ в Вятской губ.

То время, когда чрезвычайный комиссар Совнаркома Республики А. Г. Шлихтер приступил к организации хлебных заготовок,—было трудным временем Сибирь была очищена советскими отрядами, на среднем течении Волги водворились чехо-словаки с пресловутым Комитетом Членов Учредительного Собрания. На юге вся Украина была в руках внешних завоевателей Хлебные пути на Северный Кавказ то и дело прерывались налетами калединских молодцов. Весь продовольственный фонд Республики был ограничен, таким образом, лишь центральными земледельческими губерниями и прикамскими районами.

Отсюда надо было почерпнуть много миллионов пудов для прокормления промышленных центров и формирующейся Красной Армии.

Но как овладеть хлебом, спрятанным в крестьянских тайниках? У Советской власти не было достаточных сил.

Декреты 13-го и 27-го мая о централизации продовольственного аппарата проводились в жизнь весьма медленно: не было людей. Губпродкомы и упродкомы представляли собою летом 1918 г. маленькие канцелярии, занимающиеся отписками и регистрацией мешечников, но отнюдь не заготовками. Эти продовольственные органы были не в силах снабдить —в производящих районах—собственное неземледельческое население, не то что исполнять наряды для других местностей. Губернии с очевидными хлебными избытками стремились, одна за другою, об'являть себя голодающими и требовали дать им наряды на ввоз продовольствия из других районов.

Население городов и промышленных или неурожайных местностей кормилось мешечничеством и остро роптало на продовольственников, пытавшихся бороться с мелкой торговлишкой: сами ничего не дают, а частному подвозу мешают! Рабочее население истощилось до последней степени и озлобилось на советскую власть. „Голодные забастовки" в то время не были редкостью.

Комиссариат Продовольствия усиленно формировал рабочие „отряды за хлебом" и посылал их на места—под руководством мало подготовленных, чаще же—совершенно неподготовленных лиц. Находя в районах своих действий не продовольственные учреждения, а пустые места,—эти отряды начинали собирать хлеб на собственный риск и страх. Много было злоупотреблений с деньгами и продуктами, еще больше было злоупотреблений властью. Присоединенные к чрезвычайному 10-ти миллиардному налогу и военным мобилизациям, частые бестактности и насилия продовольственных отрядов находили в крестьянстве широкий враждебный отклик. Еще ненаученное горьким опытом, сельское население охотно прислушивалось к горячей проповеди многочисленных реакционных проходимцев, легко смешивало советскую власть с каким-нибудь пьяным бродягой, случайно занимающим пост начальника реквизиционного отряда,—и восставало.

Лето 1918 года—это период почти повсеместных в хлеборechodных губерниях сельских бунтов.

Хлеб, разумеется, скрывался от советской власти. Зажиточный крестьянин посматривал дерзко на „всяких там жидов и немцев, засевших на Москве", прикрывая такой своей ламентацией свойственное его кулацкой природе равнодушие к чьим бы и каким бы то ни было интересам, кроме интересов своей собственной наживы. А возможность этой наживы с каждым днем росла все более и более, ибо хлебные цены уже и в то время начали подыматься с головокружительной быстротой. Вот иллюстрация роста этих цен:

По данным продовольственных учреждений, средние вольные цены за первое полугодие 1918 года повысились:

за пуд (в рублях):

	для ржи		для овса		для ржаной муки	
	на 1 марта	на 1 июня.	на 1 марта	на 1 июня.	на 1 марта.	на 1 июня
в Болхове, Орл. г. . . .	30	80	12	22	30	—
„ Карачеве „ „	57	110	15	33	—	—
„ Веневе, Тульск. г. . .	70	80	12	21	65	—
„ Мамадыше, Каз. г. . .	37	37	19	19	39	39
„ Свияжске „ „ . . .	56	—	24	—	54	—
„ Орлове, Вятск. г. . . .	22	45	18	26	30	55
„ Спасске, Тамб. г. . . .	47	75	21	40	45	115

Среднее возрастание вольных цен по 25 пунктам различных производящих и потребляющих—губерний центра и северо-востока Европейской России выражалось так:

	Рожь	Овес	Ржаная мука
	с 68 до 121	с 28 до 45	с 85 до 147
% возрастания	178	161	173

Второе полугодие 1918 года отмечено еще более резким повышением вольных цен как в производящих, так и, в особенности, потребляющих районах.

Бумажный рубль переставал пользоваться уважением хлебопроизводителя. Мешечники нередко возвращались со своими деньгами к голодным семьям показать пустую торбу. Деревня требовала не денег, а товаров. И товар лился в сельские хранилища: горожанин—рабочий, служащий, отставной буржуа—собирал в своих корзинках и комодах самое последнее и вез мужику.

Производящие губернии, курсирующие по главным транзитным путям поезда, кишели мешечниками—и потребительскими, и торговыми. Мешечник проникал в самые глухие углы Тамбовской, Симбирской, Вятской, даже Уфимской губерний, болтал там без умолку о бедствиях столиц, о недостатке хлеба, о жестоких гонениях советской власти. Называл сухаревские цены, от которых у жадного сельского паучка рябило в глазах, и, наконец, выкладывал

щедро свои керенки... Деревня ловила и правду, и вымысел, „мотала себе на ус“ и делала соответствующие выводы о ценности припрятанного ею продукта. Деньги дешевели. хлеб дорожал.

В наших руках—оффициальная сводка о распространении мешечничества, относящаяся к средине лета 1918 года.

Вот наиболее яркие строки этой сводки.

„*Курская губ.* Ежедневно уплывает до 5.000 пуд. Меры по борьбе с мешечниками парализуются отрядами М. К. В. ж. д.... Ст. Лотная: В порожнем вагоне... едут вооруженные солдаты со спиртом и с ними мешечники.... Ст. Зерново: Ежедневно более 1500 мешечников. Оперирующий в районе отряд помогает мешечникам... Ст. Навля: Железнодорожная власть способствует мешечникам... Ст. Долгое: Мешечники самовольно загрузили вагон“.

„*Тамбовская губ* Козлов: На станцию прибыл целый поезд мешечников. Заградительные отряды разоружены и разогнаны. Четверо из отряда ранены. На стороне мешечников вооруженные винтовками, ручными гранатами фиктивные матросы и банды из темных элементов“.

„*Орловская губ.* Ст. Маховая: На сторону мешечников стали матросы. Перестрелка. Ранены два мешечника, один солдат. Брянск. Средняя обращаемость мешечников до 5 000 человек в день“.

„*Воронежская губ.* Ст. Грязи: Мешечникам содействуют ж.-д служащие“.

„*Саратовская губ.* Царицын: Команды пароходов принимают охотнее мешечников, чем государственные грузы“

„*Вятская губ.* Поезда буквально забиты мешечниками... ж.-д. милиция бездействует... в Сарапуле мешечники осаждают хлебные места“... и т. д.

Не правда-ли мало слов, а горя реченька?! Подлинная анархия бесшабашный разгул пьянства, голода, хищничества и темноты.

Такова общая картина.

В Вятской губернии, куда явилась в конце июня 1918 года экспедиция А. Г. Шлихтера, гнилостные процессы обнаруживались необычайно ярко.

Инструктора Наркомпрода рассказывают: *)

„*В Сарапульском* уезде подтверждаются значительные запасы хлеба. Мешечники во множестве. Вооруженные организации вывозят хлеб самочинно, нарушают закон хлебной монополии и твердые цены“.

„*В Елабужском* уезде население препятствует реквизиции, относится враждебно к отрядам. В Васильевской волости крестьяне восстали. Избит член продовольственной управы. Отряд в 30 че-

*) См. «Известия Нар. К. Прод.»—летние №№ 1918 года.

ловек, отстреливаясь, бежал в Елабугу. Со стороны крестьян есть убитые и раненые".

„*В Уржумском* уезде мешечники осаждают пристани, агитируют в продовольственных отрядах".

„Продовольственные органы систематическим повышением цен на хлеб и разрешениями свободных закупок свели хлебную монополию к нулю. 1-ый и 2-ой общегубернские с'езды советов санкционировали отмену твердых цен для всей губернии. Помимо того, сами уездные советы устанавливали для себя более или менее высокие цены, сообразно с собственными аппетитами. Вследствие этого закупка по твердым ценам сделалась невозможной. Нечего и думать о том, чтобы крестьянин, продававший до сих пор хлеб по 12—15 рублей и больше за пуд (не говоря о мешечничестве, поднявшем цены до 40—50 рублей), примирился с низкими твердыми ценами. При создавшемся положении остается, как единственный выход, реквизиция. К реквизиции можно присоединить товарообмен, отпуская товары крестьянам уже после того, как хлеб будет реквизирован".

„Вообще, нужно сказать, что продовольственные органы здесь являются одним из главных тормазов к заготовке хлеба. Государственные интересы стушовываются перед местными, шкурными интерессами. Уездные советы снабжения сплошь и рядом состоят из кулаков (в Малмыжском совете есть даже бывший пристав). Поражает отсутствие работников, как в уездных советах снабжения, так и в губернском. В большинстве случаев во главе продовольственного дела стоят люди, плохо знакомые с продовольственным вопросом; часто невежественные и своекоростные".

„С губернским советом снабжения (губпродкомом) уезды почти не считаются. В протоколах уездных советов снабжения сплошь и рядом приходится читать такие постановления при рассмотрении различных предписаний губернского совета снабжения: „Принять к сведению", „Считать неприемлемым" и т. п."

„Сам губернский совет снабжения допускает такие действия, как недавнее разрешение жителям Вятской губ., об'единяющимся в кооперации, производить самостоятельные закупки (в разрешении указывалось, что закупать должно по твердым ценам, но на деле, разумеется, закупки производились по спекулятивным ценам). Уездные продовольственные органы входят в сделку с представителями различных организаций, допуская сепаратные закупки. Легко даются и отдельным лицам разрешения на покупку и провоз хлеба (в Малмыжском уезде, в Уржумском и др.")

„Мешечничество колоссальное. Мешечники вывозят хлеб по рекам Каме и Вятке и по Казанско-Сарапульской ж. д. В огромном количестве хлеб вывозится также гужем в Казанскую губернию

(напр., через село Параньгу провозится ежедневно несколько тысяч пудов, в некоторые дни до 30000 пуд.). Мешечничество на Казанской границе пользуется покровительством Казанского совета. Когда на Казанской границе были поставлены в уездах Уржумском и Малмыжском заградительные отряды, Казанский губернский продовольственный отдел протестовал против этого и потребовал открытия границ для свободной торговли, угрожая в противном случае задержкой товаров, идущих в Вятскую губернию. Не ограничиваясь этим, Казанский губ. продовольственный отдел посылает в смежные с Казанской губ. уезды Вятской губ. отряды для сопровождения хлеба, закупленного им мешечническим способом. Местами вооруженные мешечники, иногда при участии матросских банд (на Каме), производят буйства и грабят продовольственные грузы".

„В районах пристаней мешечники вывозят, по некоторым данным,—трудно установить точные цифры,—до 30.000 пуд. в день. Делается это почти оффициальным путем: уездные продовольственные комитеты, не имея реальной силы бороться с мешечниками, дают разрешение на вывоз от одного и до двух пудов, смотря по обстоятельствам; губернский комитет не имеет реальной силы, чтобы с этим бороться. Достаточно взглянуть на поезд, пришедший из Перми,—там до 5.000 мешечников и 10.000 пудов хлеба".

„Начиная с 15—16 мая ни одного фунта в Вятской губ. не было заготовлено. То, что было сделано, это было сделано реквизиционными отрядами, которые реквизировали от 30 до 40 тысяч пудов за полтора м-ца. Работало над этим 2.400 человек вооруженных, не считая рабочих, которые должны были молоть, перевозить хлеб и т. д.; и эти 30—40 тысяч пудов стоят уже 2 мил., так-что на каждый пуд падает 50—60 руб. накладных расходов. Реквизиционные отряды частью пострадали. Так, один отряд из 140 человек был разбит наголову. Ночью напали организованные крестьяне и всех перебили. Много тяжело раненых. Были убиты члены закупочной комиссии и члены продовольственного комитета. Отряды вызывают еще большее озлобление тем, что отрывают крестьян от текущей хозяйственной работы. Сейчас начинаются полевые работы, наступила страдная пора, а их заставляют везти хлеб. Для крестьянина каждый час дорог, и это вызывает страшное возмущение. Как только становится известным, что отряд появляется в уезде, в другом уезде начинается организация для сопротивления отряду"..

В приведенном тексте имеются куски из телеграмм и докладов десятка разных лиц, в том числе и весьма умеренно настроенных. Поэтому картину развала можно считать совершенно об'ективной.

И в этом то районе А. Г. Шлихтер должен был поставить, так сказать, показательные заготовки хлеба! Задача не легкая.

Чрезвычайный комиссар явился на место с огромными полномочиями—по объединению и усовершествованию продовольственных работ в Вятской, Пермской и Уфимской губерниях,—но с ничтожными силами и скромными денежно-товарными рессурсами.

Резиденцией экспедиции была избрана пристань Вятские Поляны, стоящая на пересечении Казань-Екатеринбургской жел. дороги и реки Вятки. От этого пункта рукой подать до наиболее хлебных уездов Вятской губ.—Малмыжского, Елабужского и Сарапульского.

Присмотревшись к положению дел в этих уездах, тов. Шлихтер решил, что без содействия самого крестьянства дело вести нельзя, что практика простых налетов на деревни и вооруженных реквизиций—плохая практика.

Надо было выслушать мнение самого земледельческого населения, необходимо было договориться с дружественным советской власти середняком и бедняком на с'ездах.

Началась подготовительная работа к таким с'ездам, прежде всего—в Сарапульском уезде. Предстояло выяснить хлебные излишки, об'единить все действующие в уезде заготовительные аппараты и, наконец, выработать определенную программу дальнейших действий.

По оффициальным данным, имевшимся в Наркомпроде, запасы хлеба старых урожаев в Вятской губ. исчислялись в 16 мил. пудов. На Сарапульский—наиболее хлебный—уезд из этой цифры падало по меньшей мере 2—2½ мил. пудов. Если-бы удалось взять у населения и 50% этого остатка,—это было бы прекрасно.

Наиболее крупными заготовителями в уезде могли считаться продовольственные отряды. Но Шлихтер не рассматривал их, как аппараты заготовки. Отряды—реальная сила заготовителя, но не заготовитель.

Находилась в это время в Сарапуле заготовительная агентура Московского областного продовольственного комитета в числе 17-ти ответственных работников.

Эта агентура влачила жалкое существование. По соглашению пославшего ее комитета с Наркомпродом, она должна была обслуживать весь район намечавшейся Прикамской губ. Однако, ни Уфимский, ни Пермский губпродкомы не разрешили агентуре вести на их территориях самостоятельных заготовок. Оставался, таким образом, один Сарапульский уезд.

С 1-го июня агентура приступила к учету хлеба, пользуясь поддержкой первой Петроградской продовольственной дружины, а также к организации контор и складов.

К 20-му июня агентурою было ссыпано до 30.000 пудов, хотя, по словам заведующего агентурою, „трений с крестьянами было немного“, и определенная оппозиция была встречена лишь в одной волости“.

Общие условия работы заведывающий агентурой находил тяжкими.

„Масса мешечников, полное нарушение твердых цен, допуск сепаратных закупок при групповом товарообмене, повышение местным советом официально, при свободной торговле хлебом, цены с 17 до 22 руб. и дороже, стремление местного совета снабжения (упродкома) задерживать все прибывающие в город фабрикаты для распределения их в большом количестве только по городу... Не было возможности думать о проведении хлебной монополии“.

„Запасы (хлеба) оказались (при обследовании в волостях) порядочные: даже необмолоченного хлеба можно было определить до миллиона пудов. (При обсуждении с крестьянами вопроса о товарообмене) можно было предположить, что крестьянство пойдет добровольно на товарообмен, хотя у него создалось ко всем прибывающим за хлебом недоверие (обещают много, а ничего не дают)“.

Неуспех агентуры заведующий об'ясняет так:

Работе препятствовало скрытое нежелание местных продовольственных агентов проводить хлебную монополию и неприспособленность этих людей к делу, далее - опять таки скрытое — стремление их снабдить собранным хлебом только свои голодающие местности, внутри губернии — и неспособность понять общегосударственные нужды. Большим препятствием в учете и ссыпке хлеба служит и вынесенное на уездном с'езде советов постановление о повышенных продовольственных нормах: 3 пуда на едока и 15 пудов — на лошадь плюс надбавка в 10% оставляемой в хозяйстве продовольственной суммы хлебов — для домашней птицы. „Телеграфное распоряжение об отмене таких норм видимо не всюду разослано или же не оглашается местными советами умышленно“.

Весьма дурно отзывается на заготовках неприсылка обещанных фабрикатов или задержка присланных фабрикатов на складах для проверки. Наблюдается острый недостаток ответственных работников, не достает и рабочих для организации обмолота и транспортировки хлеба („крестьяне вследствие малого желания и полевых работ не могут приниматься в расчет“).

Где же выход из положения? Агенты областного комитета предлагали:

Об'единить под руководством агентуры всех представителей потребляющих губерний, усилить штат агентуры, организовать молотильные отряды и собственный обоз, передать в руки агентуры все прибывающие в уезд фабрикаты — для распределения среди населе-

ния, короче говоря—*передать агентуре все функции упродкома, оставив за последним лишь право контроля.* Затем, по мнению заведывающего агентурой, представлялось бы необходимым срочно удовлетворять из заготовляемого хлеба те губернии, которые имеют в Сарапуле своих представителей: не получая хлеба, губернии отзывают этих представителей, и ценные для заготовки работники исчезают с горизонта. Наконец, цены поступающих в товарообмен фабрикатов должны находиться в строгом соответствии с ценою хлеба.

Как видим, эти агенты подходили близко к мысли о централизации заготовительного аппарата но это не ставило их ближе к хлебу. Им не хватало власти, а, может быть, и воли*).

Второй крупной организацией, работавшей в южной части Вятской губернии, была заготовительная агентура „Продпути". Она также получила от Наркомпрода право на самостоятельную заготовку хлеба.

Каковы были результаты заготовительной деятельности железнодорожного продовольственного центра,--мы не знаем. Можно догадываться, что разультаты незавидные.

Наконец, третьим инородным телом в гниющей вятской среде были инструктора Наркомпрода, прикомандированные к рассеянным в уездах продовольственным отрядам. Это были люди неопытные, молодежь, но они имели одно преимущество: искреннее желание честно делать карьеру, а некоторые—и честно служить революции**).

---

*) Воля-то была, но направлялась эта воля к достижению таких целей, осуществление которых повело бы неизбежно, в конце концов, к отказу Советской власти от продовольственных органов, **как органов власти**, и передаче продовольственного дела в руки профессиональной организации. В данном случае агенты областного комитета выдвигали домогательства, являющиеся, по своей идеологической сущности, прямым продолжением той борьбы **за власть** в продовольственном деле, которую вели против Советской власти продовольственники эпохи Керенского и Пешехонова, избравшие в целях этой борьбы, на двух своих с'ездах в ноябре и декабре 1918 г. знаменитую „десятку" (на ноябрьском с'езде) и „девятку" (на декабрьском с'езде). Эти боевые верхушки «профессионального выделения и строения продовольственных органов» об'единяли вокруг себя всех явных и скрытых саботажников, соглашателей и предателей разного калибра из разных политических лагерей, а также пользовались явным сочувствием и поддержкой некоторых ответственных советских работников, которые в те труднейшие моменты в жизни Советской власти чуть не каждый день впадали в панику по разным поводам и без всякого повода. Борьба эта, к счастью, закончилась лишь сменой комиссара, той «жертвой», которая должна была облегчить в дальнейшем неуклонную борьбу за незыблемость принципов, заложенных комиссариатом продовольствия в первые два месяца его фактического существования. Но еще долго после этого продовольственники—„профессионалы" вели скрытую борьбу против Наркомпрода, как органа власти. Весьма почетное место в этой бесславной борьбе занимали областные продовольственные комитеты: Северный (Петроградский) и Московский. Но опять таки к счастью, Наркомпрод, не смотря на систематический и временами ожесточеннейший напор идеологов „мешечничества",—власти мешечническим агентам не дал, не взирая на всю их «волю» к власти.

А. Шлихтер.

**) Не знаю, на сколько прав автор в характеристике качеств столь деликатного свойства. Не касаясь этой стороны характеристика инструкторов, посланных в то время для спасения продовольствия в Вятской губ., я считаю нужным отметить, что в деловом отношении из 10—15 человек такой «молодежи» пригодными к серьезной продовольственной работе по заготовке оказался лишь один сотрудник, остальные же представляли собой никчемный хлам.

А. Шлихтер.

Предстояло координировать работу всех этих живых сил, упорядочить имевшиеся на лицо реквизиционные полки и дружины, очистить местные продовольственные учреждения от заевшей их скверны и приняться за работу, опираясь на сочувствие и прямую помощь лойяльных слоев крестьянства.

Насколько удалось А. Г. Шлихтеру об'единить разрозненные агентуры, водворить порядок в расхлябанных упродкомах,—мы не знаем. Можно предполагать, что, на первых порах, им были установлены чисто территориальные разделы—ты заготовляй вот сдесь, а ты вот там. Но на этом, как увидим ниже, дело не остановилось.

22-го июля состоялось совещание о заготовке хлеба в Сарапульском уезде. На совещании присутствовали представители экспедиции, у и губпродкома, Продпути, железнодорожных центральных продовольственных комитетов ближайших линий, комиссар 1-ой Петроградской продовольственной дружины и уполномоченный 1-го Вятского прод. полка, председатель Сарапульского уездного совета крестьянских депутатов и др.

Уполномоченный экспедиции А. М. Паволоцкий, открыв совещание, указал, что, в связи с перерывом подвоза хлеба из Сибири и Поволжья (вследствие чехо-словацкого выступления), надлежит обратить самое серьезное внимание на продовольственную мобилизацию Пермской и Вятской губ. В каком же положении находится продовольственная работа в одном из лучших уездов этого района—Сарапульском, и как надлежит действовать, чтобы обеспечить голодающие центры Республики?

Уездный комиссар продовольствия отрекомендовался человеком новым в своем деле, еще неознакомившимся с работой. Но заготовка хлеба в уезде идет слабо, признался он.

Такое вступление не предвещало ничего хорошего.

Председатель уездного совета снабжения отмахнулся стереотипной фразой: все, мол, находится еще в стадии организации, монополия стала проводиться в жизнь лишь с прибытием продотрядов.

С более основательным заявлением выступил председатель уездного крестьянского совета СУХИХ. Бросив характерное замечание, что декреты власти он признает постольку, поскольку они не расходятся с интересами крестьянства, Сухих отозвался весьма неодобрительно о деятельности реквизиционных отрядов, „забирающих без разбора хлеб даже у беднейшего населения“ уезда. Эти отряды, по его словам, наносят вред делу заготовок и подрывают в глазах крестьян авторитет власти.

Раньше, продолжает Сухих, мы—крестьянский совет—помогли вывезти из уезда до 700.000 пудов хлеба, закупленного по рыночным ценам, и если-бы нам не мешали,—мы выкачали-бы еще

300.000, т. е. все свободные излишки. Вот Уфимская губ. придерживалась строго твердых цен и что-же получилось? 10.000.000 пудов осталось там для чехо-словаков...

Заведующий хлебным отделом упродкома ознакомил собрание с ходом заготовки. Он указал, что до издания декрета о продовольственной диктатуре (13 мая 1918 г.) вся работа местного сарапульского продовольственного учреждения сводилась к борьбе с мешечниками и к выдаче разрешений на вывоз хлеба, заготовленного по предельным рыночным ценам представителями голодающих центров. Заготовка по таким „предельным рыночным ценам" допускалась на основании принятой Вятским губпродкомом к руководству резолюции Уральского продовольственного с'езда (бывшего в феврале 1918 г.).

После 13-го мая дело не улучшилось, ибо в распоряжении упродкома не было вооруженной силы, а без вооруженной силы, заметил докладчик, здесь ничего нельзя сделать.

В конце июня в уезде появилась первая Петроградская продовольственная дружина. Только теперь представилась возможность приступить к учету хлеба и извлечению излишков.

Но ни реквизиции, ни примененный упродкомом товарообмен не дали значительных результатов: до конца июля удалось добыть в уезде всего 24 тысячи пудов, к тому же чуть ли не половина — в необмолоченном виде. Такой результат получился от об'единенных усилий упродкома, агентуры Московского областного продкома, агентуры Продпути и продовольственных отрядов.

В чем-же дело? Дело—в упорстве крестьян, ответил один из железнодорожных продовольственников. Насильственным путем заготовлять нельзя, учесть хлебные излишки до нового урожая не успеем. Необходимо, наряду с угрозами оружием, применить широкий товарообмен, закончил он.

Но ведь у нас нет такого количества товара, заметил председатель совещания Паволоцкий: кроме того, мы, как социалисты, не можем практиковать индивидуальный товарообмен!?...

Казалось, участники совещания пришли в тупик. Тогда снова выступил Сухих и сказал то самое простое слово, которое всплывает в практическом мозгу при всех затруднительных обстоятельствах. В протоколе предложение этого продовольственного Колумба изложено очень сухо. Да простит нам читатель, если мы сделаем попытку проследить по оффициальным запротоколенным отрывкам ход мыслей этого крестьянина.

Принцип—дело хорошее, думал Сухих, но нам сейчас нужен хлеб. Не будет греха, если мы немножко поступимся чистотою маленьких принципов, чтоб спасти великую идею революции. Зачем, товарищи, сказал он, гоняться нам за журавлем? Попытаемся по-

лучить синицу. Сил у нас, как видите, очень мало, вырывать у каждого домохозяина лишний пуд хлеба силою—не приходится и думать. Сделаем лучше так: отберем волостей 20, наиболее богатых, определим приблизительно, сколько излишков наберется в этих волостях, и общую сумму излишков разверстаем. при помощи совета крестьянских депутатов, по селениям. Всякое сельское общество разверстает свою долю по отдельным посевщикам. Когда это будет сделано, надо разослать членов совета крестьянских депутатов, в сопровождении небольших вооруженных отрядов (для видимости, так сказать), по обложенным хлебной повинностью местам. И пусть эти члены заявят волостным исполкомам: если повинность не будет исполнена в назначенный срок, и хлеб не будет вывезен на ссыпные пункты,—всем, кто сидит в исполкомах, грозит суровое наказание. Эти эмиссары скажут также, что за отчуждаемый хлеб будет выдано—настолько то—деньгами и настолько то—товаром, при чем товар будет выдаваться не отдельным ссыпщикам, а всей волости для справедливого распределения между всеми нуждающимися.

За иное распределение товара—несправедливое распределение—волостная власть будет также в суровом ответе.

Вот за этот план я могу поручиться, закончил оратор.

Как это всегда бывает, новое, живое, разумное слово встретило горячие протесты. Агенты Продпути оценили предложение Сухих, как интересный эксперимент. А нам теперь не до экспериментов! Представители упродкома и продовольственных отрядов также сомневались в успехе этого плана.

По счастью, представители экспедиции отнеслись к мнениям председателя крестьянских депутатов иначе. Крылов (агент экспедиции) нашел его план „единственно правильным и приемлемым". Паволоцкий же (уполномоченный экспедиции), как председательствующий, выразил свое одобрение в более дипломатической форме: „Если-бы представлялась хоть маленькая возможность сначала произвести учет, а затем вывезти излишки,—мы не задумались бы поступить так, но раз создалась исключительная обстановка,—нужны и меры исключительные". Будем действовать с двух сторон: „ультиматум населению и готовность пойти ему навстречу—с одной стороны, и из'ятие и путь реквизиции—с другой.., если население не из'явит готовности, в свою очередь, пойти навстречу правительству и голодающим... На букве закона останавливаться не приходится, а приходится делать то, что подсказывает обстановка".

План Сухих был принят с оговоркой, правда, чтобы „начатый в некоторых волостях уезда учет хлеба продолжать впредь до особого распоряжения". Совещание оставляло за собою, таким образом, позицию, на которую можно было бы опереться в случае неудачи „эксперимента".

Состоявшийся вскоре в Сарапуле с'езд крестьянских депутатов уже в присутствии Шлихтера одобрил все то, что говорил Сухих, и принял разверстку по волостям. Характерно, что сами члены с'езда — крестьяне — указали, какие волости сдадут наложенный на них хлеб добровольно, без всяких давлений и угроз, а в каких волостях придется иметь под рукою вооруженную силу — для острастки.

Резолюции с'езда не остались пустыми словами. Во всем уезде работа закипела.

Эксперимент Сухих удался. Теперь можно было применить систему разверстки и в других местах — в первую очередь, соседнем Малмыжском уезде.

И здесь А. Г. Шлихтер постарался предварительно заручиться поддержкой крестьянства.

Перед с'ездом крестьянских депутатов Малмыжского уезда состоялось два совещания представителей экспедиции, членов Малмыжского упродкома и Вятского губпродкома, а также представителей реквизиционных отрядов и Вятских инструкторов Наркомпрода.

На первом совещании — 3-го августа 1918 г. — были поставлены вопросы: сколько имеется в Малмыжском уезде хлебных излишков от урожая прошлых лет и как получить от населения эти излишки. Мнения местных деятелей и представителей центра резко разошлись.

В то время, как члены Малмыжского упродкома исчисляли цифру хлебных излишков в 150000 пудов, политический комиссар штаба вятских реквизиционных отрядов выдвинул, как весьма достоверную, цифру в 600 тысяч пудов.

В виду такого расхождения сведений, представительница экспедиции — уполномоченная се, т. Белаковская предложила подробно рассмотреть все данные по каждой отдельной волости и зафиксировать полученные в результате изучения показатели излишков, как обязательные для населения, упродкома и самой экспедиции. Совещание согласилось с этим предложением и, после рассмотрения материалов, постановило:

„Взять на учет весь хлеб старых урожаев по Малмыжскому уезду с целью вывоза всех излишков, удовлетворяя нужды местного населения. На основании предварительного осведомления и приблизительного учета наличных хлебных запасов — с одной стороны, с другой — сознавая критическое положение центра“, признать необходимым „разверстать между жителями Малмыжского уезда предварительно 300000 пудов хлеба, предложив с'езду (крестьянских депутатов) 5-го августа разработать детали обложения“.

По вопросу о способах извлечения хлеба совещание постановило: „предложить (Малмыжскому) исполкому принять самое активное участие в оповещении населения“ о скорейшей сдаче всех хлебных излишков. „Представителям (предстоящего) с‘езда вменить в обязанность немедленно приступить к выполнению работ на местах.

В свою очередь, членам исполкома предлагается выехать по уезду в те пункты, где их присутствие окажется необходимым“.

Так, в этом совещании были еще раз намечены принципы, получившие в дальнейшей работе А. Г. Шлихтера преобладающее значение—разверстка по приблизительным данным и опора разверстки на содействии местных революционных сил.

На втором совещании—5 августа 1918 года—в самый день с‘езда присутствовали уже не только продовольственники, но и члены уездного исполкома и представители крестьян.

Прежде всего совещание решило, что всем делом разверстки в уезде должна ведать особая продовольственная комиссия в составе представителя экспедиции Белаковской, представителей уездного и губернского продовольственных комитетов и уездного исполкома, а также инструкторов Наркомпрода.

Затем, вторично был поднят горячий спор о количестве хлебных излишков. На этот раз энергичную атаку на местных продовольственников повели вернувшиеся из уезда инструктора Наркомпрода—Мацели, Рутман и др. Они доказывали, что малмыжские крестьяне имеют от прошлых лет никак не менее 600 тыс. пудов хлебных излишков. Предыдущие государственные заготовки, благодаря кулацкому засилью в сельских советах, отразились на запасах бедноты, отчасти середняков. Состоятельное же крестьянство сумело увернуться от продовольственной повинности. Представители упродкома теперь не настаивали на своей цифре излишков в 150 тыс. пудов. Они исходили из принятой на предыдущем совещании удвоенной цифры, указывая, что, по личным впечатлениям знающих край людей, в уезде, конечно, нет таких излишков, какие указываются инструкторами.

Эти доводы представителей местной продовольственной власти имели своим источником, надо думать, не те или иные цифровые представления о запасах, а страх перед жакерией, которая тогда нарождалась в производящих районах Вятской губ. Следы этого страха мы можем найти даже в крайне конспективном протоколе 5 августа: слово „обложение“ заменяется словом „разверстка“, потому что слово „обложение понимается крестьянством, как контрибуция“: во фразе „самый тщательный учет“ совещание выбрасывает первые два слова и т. д.

Не желая по многим причинам настаивать на своем, местные продовольственники выдвинули в совещании уклончивую формулу: назначить к разверстке 300.000 пудов; если-же точный учет обнаружит большие запасы,—взять и эти обнаруженные излишки.

Однако, и Белаковская, и инструкторы Наркомпрода стояли в данном случае твердо на почве разверстки, а не полной монополизации хлеба. Они, очевидно, не хотели возлагать на экспедицию задач, которые оказались бы не под силу..

При более подробном, чем ранее, изучении сведений о хлебных излишках по волостям, было установлено, наконец, что размер хлебного налога, подлежащего разверстанию в сельских хозяйствах Малмыжского уезда, должен выражаться цифрою в 358 тысяч пудов.

Поступающий экспедиции по этой разверстке хлеб должен ссыпаться на местных пунктах—внутри волости. Подвоз к этим пунктам не оплачивается, если расстояние от закрома до пункта не более 30 верст При большем расстоянии подвоз оплачивается семью копейками с пудо-версты. (Этот пункт протокола надо понимать так: семью копейками с пуда за каждую версту сверх 30 бесплатных верст. В протоколе такой оговорки нет). Тою-же таксой оплачивается провоз хлеба по нарядам экспедиции от ссыпного пункта к станции или пристани; кроме того, каждому возчику в этом случае дается один фунт сахару по твердой цене, если нагрузка подводы не менее 20 пудов.

И в Малмыже с‘езд крестьянских депутатов принял разверстку.

В это время т. Шлихтер телеграфировал в Москву: „Организационная работа по планомерной реквизиции хлеба закончена и начинает давать удовлетворительные результаты. В Сарапульском у. хлебная повинность выполняется: хлеб подвозится к станциям. Непокорные волости приведены к подчинению без кровопролития. Малмыжский уездный совет крестьян. деп. по примеру Сарапульского также согласился применить принудительную хлебную повинность и назначил доставить в ближайшие дни 300 т. п старого хлеба“.

Оставалось беспрерывно улучшать рабочий аппарат экспедиции, сливая с ним всякого рода агентуры и делегации, и дисциплинировать и пополнять кадры продовольственных отрядов. *) Взбаламученное прежними неудачными мероприятиями крестьянское море, казалось, начинало успокаиваться.

Оставался лишь один враг государственных заготовок—мешечники. В борьбе с ними т. Шлихтер применил одну—обычную—меру: заграждение на путях мешечнического вывоза и реквизи

*) Особой прокламацией А. Г. Шлихтер приглашал рабочих уральских заводов выделять из своей среды лучших товарищей для пополнения продотрядов.

цию всего незаконно провозимого груза: другая мера явилась новостью...

Члены упоминавшейся агентуры Московского областного продкомитета, в своей записке от 1-го июля, предлагали бороться с мешечничеством таким образом: при отобрании хлеба у мешочника узнавать, кто продал мешечнику хлеб, затем разыскивать продавца и заставлять его вернуть покупателю то, что покупатель потерял на разнице цен (при реквизиции мешечнику уплачивается сумма по твердой цене, тогда как мешочник платит продавцу вольную цену), в некоторых-же случаях—принуждать продавца оплачивать и убытки мешечника.

Вот этот то самый способ и был применен А. Г. Шлихтером в борьбе со всероссийским злом Чтобы читатель мог судить, как действовал рецепт засидевшихся в Сарапуле москвичей, приведем некоторые факты.

28-го июля некий товарищ Рябов был командирован экспедицией взыскать с гр. Шушкова 18.100 руб., полученные им за проданную по спекулятивной цене Куровской ж.-д. организации рожь и конфисковать хлеб, который окажется у Шушкова и у тех, кто Шушкову поставлял этот хлеб.

У Шушкова упомянутой суммы не оказалось. Деньги пришлось взыскивать со многих крестьян окрестных деревень, которые являлись поставщиками этого посредника. О добровольном возвращении не могло быть и речи. Несколько крестьян было арестовано.

Беднота, по словам Рябова, помогала ему в отыскании тех, кто занимался сбытом хлеба, т. к. была озлоблена на кулаков. Рябову неоднократно приходилось, по требованию бедноты, созывать сходы для того, чтобы принудить местных богатеев снабжать дешевым хлебом неимущих односельчан.

Советы, по словам Рябова, в большинстве случаев--кулацкие. Они потворствовали спекулятивной работе состоятельного крестьянства, скрывали от сельских масс декреты центральной власти.

Несмотря на все препятствия, деньги с Шушкова были взысканы.

Тому-же Рябову было поручено взыскать опять таки с Шушкова, а также гр. Гроздова и Копытова всего 56.400 руб., полученные с представителя районной продуправы ст. Черусти за рожь, проданную по повышенной цене.

Рябов докладывает, что дело по этому взысканию шло так-же, как и раньше, с той лишь разницей, что против Рябова начали поход волостные военные комиссариаты. Были даже вытребованы из Елабуги воинские отряды для воспрепятствования его работе.

Между делом Рябов боролся с „кумышко-вареньем“ (спирт). В одной из деревень им арестован председатель сельского совета.

разрешавший такое „кумышко-варенье" и сам варивший самогонку. У 11 самогонщиков этой деревни Рябов конфисковал 250 пудов хлеба.

Конфискованный хлеб поступил в распоряжение экспедиции, а деньги были возвращены под расписку плательщикам—представителям упоминавшихся в докладе Рябова организаций.

На все эти операции Рябова в архиве экспедиции имеются грамотно составленные акты.

Рябов скоро и хорошо справился со своей задачей, потому что задача была упрощена: проследить до конца и ликвидировать всего 2 мешочнических сделки, правда, довольно крупные.

Представим себе, однако, что экспедиция занялась бы правомерным и справедливым уничтожением всех мешочнических сделок. Сколько Рябовых должна была бы она иметь в своем распоряжении? Очень много: целые сотни и даже тысячи. Овчинка, конечно, не стоила бы выделки.

В этом факте, как и во многих других,—куда более крупного масштаба,—проявляется склонность наших продовольственников смешивать следствия и причины и сражаться с ветряными мельницами. Тов. Шлихтер, повидимому, тоже в этом отношении не безгрешен. Иначе,—зачем понадобилось-бы ему проводить в жизнь плоды праздномыслия 17-ти апостолов областного комитета *).

2. Вятские заготовки и реализация заготовленного хлеба.

Организационные работы экспедиции в Сарапульском уезде были закончены лишь в 20-х числах июля. Ссыпка хлеба началась в самые последние дни этого месяца.

Подлежащая выполнению хлебная повинность была определена совещанием 22-го июля для Сарапульского уезда—в 300 тысяч пудов; в Малмыжском уезде, как уже упоминалось, было разверстано 358 тысяч пудов.

Итого, по двум уездам, предстояло экспедиции собрать до 700 тысяч пудов зерна. По общему мнению незаинтересованных лиц, свободные излишки в Сарапульском и Малмыжском уездах были, по крайней мере, вдвое выше этой цифры.

---

*) Здесь, как и в рассуждениях о «рецепте» московских областников, автор впадает в ошибку. Во первых, применение приведенных фактов ни в малейшей мере не вызывалось проектом «праздномыслия» областников. Вмешательство явилось результатом просьбы представителей железно-дорожной организации, у которых был конфискован мешечнический хлеб. Выяснилось, что хлеб этот был куплен не у непосредственных производителей хлеба, а у **крестьян-спекулянтов**, скупавших хлеб у своих сельчан и продававших затем крупным мешечникам. Во вторых, это были не «борьба» с мешечничеством, как система, а случайный эпизод из продовольственной практики,—эпизод, вызванный самой жизнью

А. Шлихтер.

991886

Но А. Г. Шлихтер не хотел запрашивать. Вопреки известной пословице, запросить лишнее в данном случае было не то, что полезно, а прямо таки опасно.

Какой именно аппарат ведал приемкой подвозимого по разверстке крестьянского хлеба, — мы не знаем. Известно только, что в том и другом обложенных уездах было по одному уполномоченному экспедиции. Эти уполномоченные имели право мобилизовать всех продовольственных работников и все технические средства упродкомов. В их распоряжении были, как кажется, инструктора Наркомпрода и агентура Продпути *).

Внутренний налоговой пресс — комитеты бедноты — отсутствовал. В лежащей перед нами черновой записке А. Г. Шлихтера отмечено: „деревенской бедноты мало, деревенских комитетов бедноты почти нет". Это относится к Глазовскому уезду. Но, конечно, то же наблюдается и в богатых южных уездах — Малмыжском, Елабужском и Сарапульском. И если дело обошлось без кровопролития, — значит хорошо действовал иной пресс — моральный: обязательство волостей перед Республикой, торжественно принятое крестьянством на съездах депутатов. Разумеется, немалое значение имело и присутствие „в нашем уездном городе" вооруженных людей, готовых по приказу „какого то там Шлихтера" напомнить волостям про это обязательство.

Относительно технической оборудованности вятской ссыпки точных сведений не имеется.

Что касается ссыпных пунктов, с ними дело обстояло, по данным Вятского губпродкома, следующим образом:

в уездах:

	Елабужском.	Малмыжском.	Сарапульском.
Число ссыпных пунктов	10 **)	14	24
Общая емкость их (в тысячах пудов)	2 329	1,9 ***)	Сведений
Среднее расстояние (в верстах) от ж.-д. станций и пристаней	0	51 ****)	нет.

*) Упродкомы никаких своих технических сил и средств не имели. Отряд «Продпути» во главе с т. Алексеевым сразу влился в экспедицию и работал энергично. Кроме этого отряда и одного инструктора Наркомпрода, т. Рудмана, ссыпка производилась исключительно аппаратами экспедиции.
А. Шлихтер.

**) Два пункта — не на станциях или пристанях — с неуказанной вместимостью в подсчет нами не приняты.

***) Вместимость указана лишь для семи пунктов.

****) Четыре пункта — на расстоянии менее 5-ти верст, 3 — на расстоянии 45 ти верст и 3 — на расстоянии 103—135 верст. Для остальных расстояние не указано.

В черновых записях А. Г. Шлихтера относительно Малмыжского уезда занесены иные сведения: „ссыпных пунктов нет, кроме Малмыжа и Вятских Полян; персонала для пунктов нет“. Можно думать, что в Елабужском и Сарапульском уездах дело обстояло не лучше*).

Зерносушилок отмечено в справке губпродкома:

по уездам:

	Елабужскому.	Малмыжскому.	Сарапульскому.
Всего.	190	17	107
С суточной производительностью (в пудах)	277 200	19 400	Не указано

Вообще же говоря, в технических средствах недостатка быть не могло, потому что в довоенное время хлебная торговля на юге Вятской губ. приобрела значительный размах.

От горячей работы экспортных контор и купеческих „домов“ должно было кое что остаться.

Значит, закончив поволостную и подеревенскую разверстку наскоро мобилизовав служебный персонал и ряд хороших, удобно расположенных амбаров, можно было скомандовать: вези, ссыпай!..

И крестьянство повезло.

За несколько дней органической работы (делалось в то время быстрее, чем об этом здесь рассказывается) экспедиции удалось

1) собрать у крестьян	296042 п.	16 ф.
2) реквизировать у мешечников. .	12657 „	24 „
Итого ссыпать. .	308700 п.	— ф.

Надо иметь в виду при этом, что работа началась одновременно „на всех фронтах“ - во всех местностях, на которые распространялось влияние тов. Шлихтера.

По районам заготовка распределяется так:

1) Вятская губ.	Елабужский уезд.	33000 п.
	Малмыжский и Сарапул. уез.	249154 „
2) Пермская „	. . . .	9000 „
3) Уфимская „	. . . .	17546 „**)
Итого. . . , . .		308700 п.

*) Автор не ошибается: продовольственная работа не велась; упродкомы представляли собой пустые места. А. Шлихтер.

**) Хлеб заготовленный агентурой „Продпути“ в Мензелинском уезде. А. Шлихтер.

Но наибольший % ссыпки падает все таки на уезды, обложенные хлебной повинностью. Сарапульский и Малмыжский. Впрочем Малмыжский фигурирует в нашей табличке подобно тому, как в бухгалтерской книге оцененный в 1 рубль крупный бриллиант, — он записан лишь для памяти. В действительности экспедиция не успела использовать принятые этим уездом обязательства. Значит, ссыпка в 249 тыс. пудов относится исключительно к Сарапульскому уезду.

В чем здесь „мораль“? А в том, что крестьянство Сарапульского уезда, обязавшись перед государством ссыпать 300 тысяч пудов, выполнило [illegible] своего обязательства *в течение буквально нескольких дней*. Эффект поразительный! Мудрый царский министр Риттих может позавидовать „большевистским выскочкам“. Он потерпел крушение со своей разверсткой при несравненно лучших общих условиях.

Остановим внимание читателя еще на одной цифре. А. Г. Шлихтер реквизировал у мешечников 12.657 п. 24 ф. хлеба.

Фигура мешочника—весьма не импозантная фигура, груз мешечника - жалкий груз. Всмотревшись в эту цифру—12.657, читатель может подумать: Шлихтер нанес смертельную обиду двенадцати тысячам маленьких голодающих тружеников. Дело обстоит не так. Вот исчерпывающий список этого голодающего легиона — он занимает всего несколько строк.

Реквизировано:

на ст. Вятские Поляны:		
1) у 16 лиц, одетых в матросскую форму	356 п.	
2) у партии железнодорожников . . .	1135 „	
3) у Датского королевского консульства .	6598 „	24 ф.
на ст. Саркуз:		
1) у представителя Куровской районной организации М.-К. ж. д.	1100 „	
2) у представителя продовольственной управы ст. Черусти	986 „	
на ст. Сюгинской:		
1) у представителя Егорьевского пожарного общества	680 „	
2) у представителя Поминского волостного совета	1468 „	
3) у группы железнодорожников (найдено в лесу)	54 „	
4) у производителей „кумышки“ (самогонки) в Елабужском уезде	280 „	
Итого	12657 п.	24 ф.

Мешечнические костюмы:

I. Женский, в виде фрака; был надет на тело, а поверх—платье

II. Мужской жилет, был надет под пиджаком.

III. Мужской халат—под летним пальто.

Костюмы представляют собой мешки, простеганные продольными строчками, образующими узкие цилиндры в которые насыпалась мука.

Ни у одного из этих мешечников не было, разумеется, соответствующих продовольственных документов. Вагоны с хлебом снятельного датского мешечника (т. е. юридического лица, за которым скрывались истинно русские спекулянты) ускользали от заградительного отряда экспедиции в течение двух недель, пока не были всетаки обнаружены.

Как был распределен заготовленный экспедицией хлеб? Всякий плательщик государственного налога вправе знать, куда израсходованы кровные его ценности.

В одном из оффициальных документов экспедиции говорится, что Шлихтер и Паволоцкий положительно обещали, по мере заготовки хлеба, удовлетворять им, в первую очередь, местные нужды — города Сарапуля и заводов. (До эвакуации экспедиции из Сарапуля заводы получили 30.000 п.). Это обещание, преследовавшее цели агитации, было в действительности сдержано.

Из заготовленного хлеба было:

о т п р а в л е н о:	
в Петроград	33.000 пуд.
в Москву	156.000 „
И т о г о	189.000 пуд
распределено на месте:	
агентуре „Продпути“	49 000 пуд.
местным ж. д. линиям	37.700 „
Ижевскому и Сюгинскому заводам	13.000 „
Вятскому губпродкому (для г. Вятки)	10.000 „
населению г. Сарапуля	10.000 „
И т о г о	119.700 пуд.
А В с е г о	308.700 пуд

Следовательно, около 40% заготовленного экспедицией хлеба распределено в близких к месту заготовки районах. При дальнейшей сссылке этот процент, конечно, уменьшился бы, ибо нужда Москвы или Иваново-Вознесенска была куда острее, чем нужды Ижевского и Воткинского заводов или казанбургских железнодорожников. Но на первых порах было необходимо, путем снабжения известных крестьянству промышленных и транспортных тружеников, показать, что отбираемый по деревням хлеб идет не на потребу тунеядцев.

Не меньшую трудность, чем сама заготовка, представляло транспортирование хлебных грузов. Выше, в записке агентуры Московского Оберпродкома, уже указывалось, как остро обстояло дело с гужевым транспортом. А. Г. Шлихтеру все это было хорошо известно. Чтобы избежать лишних трений с крестьянством на

почве принудительной подводной повинности, им была выписана из центра автомобильная колонна - в количестве шести машин.

Автоколонна была выгружена 5-го августа в Вятских Полянах и к 10 августа переведена в Сарапул. Однако экспедиция воспользовалась своими грузовиками в течение лишь одного дня. Уже 11 августа пять исправных машин были забраны штабом второй армии и отправлены, вместе с шофферами на фронт—под Ижевск.

Через 2—3 дня 4 машины вернулись в тяжелом состоянии, пятая была брошена в с. Голяны, потому что шоффер был ранен в бою.

В виду спешной эвакуации Сарапула и необходимости ремонта машин, вся автоколонна экспедиции, за исключением одной машины, была сдана Сарапульскому совету городского хозяйства на хранение.

Что касается железнодорожных перевозочных средств,- в этом отношении так же наблюдалась заминка. В цитированной уже телеграмме Шлихтера в Москву указывается, что „к отправке приготовлено 50 ваг. хлеба, который уже погружен в вагоны. Отправка задерживается отсутствием паровозов. Необходима немедленная присылка пяти паровозов".

Трудно было предполагать, чтобы центр быстро откликнулся на эту депешу. Выход из затруднительного положения был найден в иском направлении. А. Г. Шлихтер использовал свои добрые отношения с агентурою Продпути. 49 тысяч пудов, предоставленные центральному продовольственному органу железнодорожников, и 37 тысяч пудов, распределенные среди местных железнодорожников,—вот что дало чрезвычайному комиссару Совнаркома Шлихтеру нужные до зарезу паровозы.

Отправка в центр производилась маршрутными поездами, причем значительная часть хлеба из Сарапульского уезда была подана на баржах и пароходах предварительно в Пермь (105 тысяч из 189 тысяч).

Из отправленных в Москву 156 тысяч пудов Наркомпродом получено:

с 1-го маршр. поезда, отправленного	25/VII .	27.606 п.
„ 2-го „ „ „	30/VII .	26.383²⁰ „
„ 3-го „ „ „	4/VIII .	24.909²⁰ „
23 и 27 августа		41.989²⁰ „
2 сентября		29.188¹⁵ „
Итого . .		150.076⁷⁵ „

Около 6 тысяч пудов груза пропало в пути. В те времена—обычная история.

3. Ликвидация вятских работ.

Интересные и плодотворные опыты советской разверстки были неожиданно прерваны. В начале августа в Вятской губернии разыгрались крупные события. У нас нет документов, относящихся к так называемому восстанию Степанова. Приходится ограничиться. поэтому, лишь предположительными об'яснениями дела.

Вятское крестьянство не знало помещиков. Оно не было обязано Октябрьской революции ни землею, ни освобождением от голодных аренд и барских надругательств Оно не очень верило и тем страхам, какие связывались с падением советской власти.

Вот почему вятский мужичек не оглядывался с опаскою на свое прошлое, когда прислушивался к контр-революционным речам. Он не был, правда, царистом, ничто не связывало его со спроваженной манархией. Он желал такого политического режима, при котором можно свободно сбывать хлеб, свободно запахивать и без стеснения ездить каждую неделю в ближайший торговый пункт к знакомому купцу за покупками. Коротко: если меня не будете трогать,—я не буду вам мешать в каких угодно ваших делах!

А советская власть никак не могла обойтись без того, чтоб не тронуть вятского сельского буржуйчика, накопившего необмолоченный хлеб за пять сельско-хозяйственных лет. Она его тронула, не об'яснив даже толком, в чем дело, не спросив даже совета у его величества—хлебного мужичка.

Вдруг пошли по деревням вооруженные отряды, стали описывать и отбирать хлеб. Вели себя это отряды далеко непочтительно, часто и непорядочно вели себя — насильничали без причины, нередко пьянствовали, бывало и так, что на глазах у крестьян сбывали казенное добро.

Гнали продотрядчики от крестьянских изб и всех тех людей, которые мирно и честно хотели приторговать или обменять хлеб. Среди этих людей - мешечников были не только мелкие торговцы, но, по большей части, действительно голодающие —крестьяне-ли из неурожайных мест, или мастеровые и служащие из городов.

На глазах у вятичей разыгрывались тяжелые драмы: люди за сотни верст ехали за хлебом, последние прибытки отдавали за пуд--два муки, а тут накрывали их какие-то вооруженные молодцы и отбирали все дочиста..... Если эти молодцы действительно для голодающего народа отбирают наш хлеб, то ведь вот они —голодающие-то! Зачем у них то отбирают, у этих мешечников? Что-то тут не чисто, думал вятский хлебороб .. .

Обида против отрядов, коренящаяся в нарушенном интересе хозяина, подогревалась справедливым возмущением честного человека: не жалко мне отобранного у меня хлеба—у меня, слава Бо-

гу—осталось его еще порядочно Обидно мне, что над бедным людом, над мешечниками, так измываются..... это—черти какие-то, а не советская власть, ни стыда у них, пьяниц, ни совести!....

При таком настроении достаточно было слабой искры, чтоб пламя восстания—дикого, лишенного всякой политической программы—охватило всю страну.

Искра была брошена. Взбунтовалась (в Глазове, кажется), какая то мелкая воинская часть, по мелкому поводу. Чтоб избежать ответственности, она логикой вещей принуждена была искать опоры в окружающем населении. Крестьянство слепо, не спрашивая, чего хотят эти бунтовщики, такую опору предоставило. На широкой территории изгонялись советы, избивались советские эмиссары. Движение быстро распространялось из центра Вятской губернии к южным уездам, дабы затем перекинуться в Уфимскую губернию и влиться в чехо-словацко-учредиловский поток. Инстинктом, или подчиняясь разумной указке, восстание катилось туда, где находился его духовный руководитель, а, может быть, и физический: Комитет членов учредительного собрания

Но Советская власть преградила путь, форсировав линию Камы.

Пока были сосредоточены надлежащие для ликвидации восстании силы, экспедиция находилась под прямым ударом. За Шлихтером уже охотились. Малмыжская представительница экспедиции Белаковская спаслась с большим трудом, благодаря лишь находчивости и выдержке.

Необходимо было спешно эвакуировать из угрожаемых районов все грузы, а то, что не возможно было вывезти,—сдать на хранение организациям, являющимся в глазах мятежников нейтральными.

Эта задача и была возложена на т. Балаковскую. И та выполнила ее с честью.

На совещании Сарапульского упродкома 12 августа 1918 г. т. Белаковская довела до сведения местных продовольственников и представителей Продпути о ликвидационных распоряжениях А. Г. Шлихтера.

Распоряжения эти заключались в том, что имеющийся в распоряжении экспедиции хлеб надлежит передать местной агентуре Продпути; что же касается 15 вагонов сахара и на 2½ миллиона рублей мануфактуры, привезенных экспедицией для товарообмена,—таковые надлежит сдать—сахар на хранение исполкому и губпродкому, а мануфактуру—городским советским магазинам.

Совещание, заслушав эти распоряжения Чрезвычайного комиссара, постановило:

1) „весь хлеб, заготовленный экспедицией... в пределах Сарапульского уезда и направленный сюда из пределов Елабужского и

Группа сотрудников Ефремовской экспедиции
Снялись перед отправлением из Ефремова 1-го маршрутного поезда с хлебом, посвященного имени т Ленина.

Малмыжского, как на воде, так и на рельсах, а равно и на всех ссыпных пунктах, приблизительно до 75—80 тысяч пудов... передать в непосредственное распоряжение Продпути, отчислив немедленно из всего этого количества для удовлетворения нужд города (Сарапуля) в распоряжение упродкома на первый раз 10.000 пудов, при чем снабжение хлебом армии в это количество не входит"; если армия будет нуждаться в хлебе,—ей надлежит обращаться непосредственно к Продпути, который и разрешит вопрос по соглашению с уполномоченным А. Г. Шлихтера;

2) весь имеющийся у экспедиции сахар в количестве 15 вагонов, или сколько окажется, „немедленно принять... для хранения, впредь до распоряжения, исполкому и упродкому, передвинуть его на склады Прикамского Союза Потребительных Обществ и приставить к нему надежную охрану из рабочих, при чем один вагон сахару сейчас-же передать" упродкому для распределения среди населения Сарапуля—по 1 фун. на едока;

3) „отпустить 2-м советским магазинам г. Сарапуля из запасов мануфактуры в экспедиции Шлихтера по 100 кип каждому... а установление порядка отпуска ее населению поручить упродкому".

Все было сделано так, как постановило совещание. Если-бы внешний фронт не придвинулся к Сарапулю и не спустился до Казани,—экспедиция, вероятно, получила бы оставленные ценности в неприкосновенности. А так они были потеряны, как, впрочем, и золотой фонд в казанском отделении государственного банка, как и многое другое, о чем теперь жалеть не приходится.

Приходится жалеть лишь об одном,—что А. Г. Шлихтер не был отправлен в Вятскую губернию ранее. Тогда дело обошлось бы, вероятно, без восстаний

4. Организационные работы в Тульской губернии.

Вятские опыты экспедиции А. Г. Шлихтера были признаны руководящими учреждениями Республики настолько важными, что по возвращении чрезвычайного комиссара в Москву, ему предложено было немедленно же продолжать работу в одной из центральных губерний России. А. Г. Шлихтер избрал Тульскую губернию, именно юго-восточную часть—Ефремовский уезд.

Вот, что рассказывают об этих районах корреспонденты „Известий Наркомпрода"- инструкторы по продовольствию.

„Продовольственный отдел губсовдепа до сих пор (июль 1918 г.) еще не организован. Из рук прежней управы дело перешло в совет еще в декабре. Но, по признанию самих членов настоящей управы, большинство из них совершенно не были знакомы с продовольственной работой И до сих пор машина не сконструирована, даже нет подходящих помещений.

„Результаты этого налицо: пришло на $2^1/_2$ миллиона рублей мануфактуры, нужно спешно пустить ее для обмена на хлеб, — а там только начинают организовываться. Мануфактура лежит без движения, план работы не обсуждается. Некому и некогда

„Но, как видно, необходимость вступить на путь товарообмена уже диктовалась самой жизнью. Отдельных разрозненных случаев было много. Меняли на мануфактуру, на железо. Давали картофель и даже овес. Так, 28 мая управой было разрешено представителю Орехово-Зуевского продкома произвести закупку по твердым ценам 40 вагонов овса в обмен на мануфактуру. Из этих 40 вагонов лишь 15 вагонов идут в распоряжение губпродотдела, а 24—прямо в Орехово-Зуевский продком. Так свободно нарушается единый государственный план и даже в то время, когда здесь же, на складах губпродотдела, имеется на $2^1/_2$ миллиона рублей той же мануфактуры..

„Крестьяне неохотно пойдут на товарообмен, особенно на мануфактуру, пока у них не будет возможности продать хлеб по 120—130 руб. за пуд, и ищут мануфактуру в частной торговле— незначительно дороже, чем продают продовольственные органы. Чтобы товарообмен мог еще иметь успех, крестьянам надо давать то, что они в частной торговле иметь не могут, а именно: деготь, гвозди, листовое и полосовое железо, и, с другой стороны, надо окончательно убить мешечничество.

„Полтора месяца тому назад была создана комиссия по товарообмену, но палец о палец не ударила, не собралась ни разу.

„Не удивительно после всего этого, что Тульская губерния, имеющая 5 миллионов пудов хлебных и 3 миллиона пудов кормовых продуктов урожая 1917 года, не может сама себя прокормить, как следует. Южные уезды (Ефремовский, Епифанский и др.) еще полны большими запасами У отдельных домохозяев хлеб измеряется в сотнях пудов. В то же время г. Тула сидит на $^1/_4$ фун., а иногда переходит на паек из одной почти картофельной муки (70—80%").

По имеющимся в архиве экспедиции оффициальным данным, для рабочих, гарнизона и населения г. Тулы требовалось ежемесячно 600 тысяч пудов. Кормовая потребность для гарнизонных, рабочих и нерабочих лошадей Тулы, исчислялась ежемесячно в 24.500 пуд овса.

К 7 октября было готово к отправке из заготовок Тульского губпродкома 60.800 пуд. овса, 2450 п. ржи, 13.854 п пшеницы и 200 п. гречихи.

В самой Туле значилось в остатке на 7 октября 6.225 п. ржи, 5943 п. пшеницы, 2552 п. рж. муки и 44 п. пшеничной; кроме того имелось в неприкосновенном воинском запасе 2133 пуда ржаной муки и 12.316 п. овса.

Следовательно, на октябрь месяц необходимо было откуда-то получить около 570 тысяч продовольственных хлебов—для одной только Тулы.

Хлеб был рядом, а добыть его не умели. „В таком-же почти положении—рассказывают инструкторы—сидит и г. Алексин. Немного лучше Алексинский уезд, часть Одоевского, Тульского и др. В Одоевском, например, уезде у 75—80% крестьян имеется свой хлеб, у некоторых 150—200 пуд., а остальные 20 - 25% голодают".

„4-го июня была об'явлена в Тульской губ. диктатура продовольствия. Владельцы хлеба обязаны были к 10 июня сдать все избытки хлеба, оставив его лишь в размере полутора пудов на душу, до нового урожая; на каждую рабочую лошадь оставляется по 2 пуда овса, на остальной скот не оставляется ничего. Лица, не исполнившие этого распоряжения, были об'явлены вне закона, подлежали заключению в тюрьму на сроки не менее 10-ти лет, а имущество их подлежало конфискации.

„Но эти жалкие попытки—ввести продовольственную диктатуру и реквизицию хлеба—ничего не дали. Уж какими только способами не пробовали. Бросали большие отряды, подходили тайком. Платили даже по повышенной расценке за реквизированный хлеб—за рожь вместо твердой цены 4 р. 80 к.—20 руб., за овес, вместо 5 р. 06 к.—15 р. Ничто не помогает. Крестьяне вооружены ружьями, пулеметами, даже пушками. Дают поразительно дружный отпор. Кулаки умеют привлечь к себе бедноту. Голодных в своей и соседних деревнях подкармливают из своих больших запасов и говорят им: „если у нас отберут, то и у вас ничего не будет. Будете на голодном пайке". И многих ухитряются завербовать в свою армию.

„Совершенно дезорганизованным порядком идет борьба с мешечниками, которых огромный наплыв. Не говорим уже о недостатке сил для борьбы, но даже в плане борьбы нет согласованности. Были случаи, что отобранный одним отрядом хлеб у мешечников захватывался другим отрядом—противником борьбы с мешечниками—и раздавался обратно. Как-то из Тверской губернии прибыла большая партия мешечников. Набрали хлеба. Один из крестьян явился в стоящий в Туле реквизиционный отряд, разыскал здесь своего сына, попросил его сопровождать себя на станцию и при посадке, чтобы хлеб не отобрали. Сын вооружился и отправился. Стоявшие здесь же солдаты реквизиционного отряда почти все сошлись в одном: так как-де из губерний голодающих приезжают за хлебом умирающие от голода люди, часто родные, односельчане, то вести борьбу с мешечниками они считают невозможным. Наоборот, они им сочувствуют.

„Для борьбы с мешечниками нужны отряды из надежных людей. Отряды Панюшкина (500 чел.) не удовлетворяют специальным запросам, так как неохотно идут на реквизицию хлеба. При усиленной работе при помощи отрядов и товарообмена, по словам председателя продовольственного отдела, в Тульской губернии можно собрать хлеба только для местного населения до нового урожая.

„Безнадежно болталась в воздухе и статистическая часть. При губпродотделе нет статистического отдела, учета запасов и голодающих не ведется. Понятно, что случайно поступающие продукты и распределяются, как Бог на душу положит. Являются представители голодающего города или уезда, и с ними начинается торг из за каждого вагона. Никогда нельзя заранее учесть, где может вспыхнуть недовольство, голодный бунт. Совершенно нельзя сказать, сколько необходимо самой Тульской губернии и сколько можно еще вывезти. Известно лишь, что Тульской губернии даются наряды из Уфимской, Воронежской губерний, из Сибири. И надежда на эти вагоны, которые достаются без всяких усилий, действует прямо развращающе. Своей инициативы не проявляют".

Как видим не все то лучше, что ближе к Москве. В Туле сильно пахло Вяткой, как в Вятке—Тулой. Одни нравы, одни обычаи.

Вот в это то тихое болото безинициативных людей явился А. Г. Шлихтер со своей небольшой экспедицией—в средине сентября 1918 г.

Прежде всего он захотел узнать, что и где заготовляет Тульский губпродком и куда—в чьи адреса—грузит заготовленные продукты. Губпродком этих сведений не дал—потому ли, что не хотел (мы, мол,—вся власть на местах), или потому, что по совести—не мог. Тогда чрезвычайный комиссар Совнаркома, в целях получения необходимых сведений о работе губпродкома, применил свои полномочия и запретил всякую отправку по Тульской губернии без своего разрешения. Всех ослушников этого распоряжения он грозил предать суду, и в 2—3-х случаях злостного неповиновения применил эту угрозу.

Тогда поднялся большой шум. Пошла писать губерния—в буквальном смысле этой поговорки.

18-го ноября Наркомпродом получена депеша такого содержания: „ст. Чернь, Кресты, Скуратово, Самозвановка, Пономарево, Теплое переполнены хлебами, ссыпка прекращена. Плановые удостоверения артельщиков Тульского губпродкома отобраны Шлихтером и не выдаются (обратно)..."

В депеше от 20-го октября представитель Тульского губпродкома жалуется, что установленный А. Г. Шлихтером порядок—грузить по всей губернии лишь с разрешения экспедиции—при-

вел к застопорке всей работы: „Продвижение грузов задерживается, в лучшем случае, на несколько дней (в виду необходимости предварительного сношения со Шлихтером по каждой отдельной погрузке), подвезенный хлеб не принимается не только к погрузке, но и в пакгаузы, ссыпные пункты заваливаются, у ссыпщиков отнимается возможность своевременно получить квитанции. Железнодорожная администрация нередко... тормозит погрузку (даже) тех продуктов, на которые нет запрета Шлихтера. Запрещением создана общая почва для более или менее легального скрытого срыва работы".

Далее Тульский губпродком указывает, что если запрещением преследуется цель учета деятельности губпродкома,—средство выбрано неудачно —„Гибкий, чутко реагирующий на запросы времени аппарат, превращен в нечто безличное, пришибленное" Дело не только в этой системе предварительных разрешений — Дезорганизующее влияние Шлихтера захватывает и другие сферы деятельности губпродкома: Шлихтер вмешивается в отношения губпродкома с контрагентами, применяет насилия к руководителям продотрядов губпродкома... *)

Получалось такое впечатление, что до приезда этого своевольничающего Шлихтера Тула работала на славу — сама хорошо кушала и других снабжала щедрым пайком. Всюду сновали артельщики губпродкома, всюду ссыпался хлеб, лихорадочно грузился, с курьерской скоростью перебрасывался от полнокровного тульского сердца по всем артериям голодной Республики. Аппарат тульских продовольственников не был пришиблен, он гордо держал кверху голову и „чутко реагировал" на требования жизни.

Сильно хвастала Тула. Надеялась, что в Наркомпроде ничего не ведают.

Вслед за губернией начали шуметь и уезды.

В начале ноября Москва получает депешу следующего содержания: „30-го октября чрезвычайным уполномоченным по продовольствию Шлихтером реквизирована пишущая машинка Ефремовского военного комиссариата. Процесс реквизиции сопровождался введением в помещение комиссариата вооруженной силы. . Не говоря о приостановлении военкомом работ по мобилизации, — такой поступок (Шлихтера) подрывает авторитет местной военной власти, рождая в массах пренебрежительное отношение к последней. Прошу спешных распоряжений о возвращении пишущей машинки"... и т. д.

Не депеша—а прямо бомба! Дело шло о срыве мобилизации, об обнажении границ Республики, о гибели вооруженной мощи

*) Вмешательства в отношение губпродкома с контрагентами не было ни одного случая. Что же касается «насилия к руководителям продотрядов губпродкома», то такой случай действительно был: мною был арестован мертвецки пьяный начальник одного из таких отрядов, выставивший на ст. Ефремов пулемет и собиравшийся учинить вооруженную «защиту» мешечников **А. Шлихтер.**

революции, о чести военного ведомства, дело шло—черт возьми!— о пишущей машинке Ефремовского военкома! И опять таки этот анархист и бандит Шлихтер.

Зачем понадобилось реквизировать эту жалкую машинку,— нам неясно. *) Но не в машинке суть дела, а в том, что вся Тула, выбитая из состояния сладкого безделья, вз'ерошила шерстку и оскалила зубки. Местные деятели, дьявольски ревнивы к своим прерогативам.

Весь шум немедленно прекратился, когда из центра пришла 11-го ноября депеша, такого содержания:

„Предписываю немедленно опубликовать... 1) все, до сего времени изданные распоряжения... Шлихтера .. подлежат неукоснительному исполнению; 2) распоряжения тульских губисполкома и губпродкома, противоречащие распоряжениям т. Шлихтера, отменяются, виновные в противодействии распоряжениям тов. Шлихтера будут преданы военно-революционному суду; 3) Шлихтер располагает всей полнотой власти во всех вопросах, связанных с продовольствием и транспортом, и ему подчинены все без исключения советские учреждения и общественные организации". . Следуют подписи Ленина и заместителя Наркомпрода Брюханова

Что представлял собою Ефремовский уезд—тот район, где А. Г. Шлихтер намеревался поставить свою заготовительную работу?

Обстоятельный ответ на этот вопрос мы находим в докладе**) тульских инструкторов Наркомпрода.

„Продовольственная работа ведется Ефремовским упродотделом из рук вон плохо. Комиссар и большинство членов управы не на своем посту, не умеют и не хотят принять решительных мер ни к отбиранию хлеба в уезде, ни к постановке всего дела, как на местах, так и в самом отделе. Работа по товарообмену не налаживается. В итоге—полный застой, нерадение и косность.

„Обильный материал о положении дела дал с'езд инструкторов, работающих в большинстве волостей. На основании их докладов, устных опросов, а также собранной между ними анкеты, выяснилось следующее:

„Волости обследованы еще далеко не все. Из 27-ми волостей - в 8-ми инструкторов нет совсем, да и в обследуемых волостях обследование проведено частично.

---

*) Машинка была реквизирована Ефремовской чрезвычайной комиссией, а не чрезвычайным комиссаром продовольствия. Не взирая на то, что в донесении из Ефремова была ясно названа именно чрезвычайная комиссия, Тульский губернский военный комиссар послал жалобу на... Шлихтера. По моему требованию, начато было по этому делу следствие о военном комиссаре; чем оно закончилось, мне неизвестно. **А. Шлихтер.**

**) Доклад написан в октябре месяце 1918 года, т. е. в период работ Ефремовской операции тов. Шлихтера.

„Из 17-ти инструкторов—15-ть производят обмер хлеба на глаз, часто руководствуясь какими то личными впечатлениями, облагают то или иное селение хлебной „контрибуцией“, на что селения, по заявлению этих инструкторов, идут охотно. Из последнего ясно, что „контрибуция“ является просто откупом.

„Нормы, по которым оставляется хлеб владельцу, самые разнообразные и часто недопустимые. Так как нормы постепенно сокращаются (до мая было 1 п. 10 ф., по 10-е июня—1 п. и теперь 30 фунтов на душу в месяц), а инструкторы не все в курсе дела, то из 17-ти человек лишь 9-ть начали придерживаться нормы в 30-ть фунтов и 1 п. овса на одну рабочую лошадь, остальные—кто по одному пуду на душу, кто по одному пуду 10 фунтов и вдобавок к последнему: ржи на рабочую лошадь 1—2 пуда, на корову 1 пуд, на свинью 1 пуд; овса: на рабочую лошадь 4 пуда, на корову 3 пуда, на свинью 2 пуда в месяц.

„Сказать точно о количестве имеющихся излишков по уезду, считая по последней норме в 30-ть фунтов ржи на душу и 1 пуд овса на одну рабочую лошадь, ввиду вышеизложенного, нельзя. Но по полученным на этот счет анкетным ответам и на основании личного опроса можно считать излишков одной ржи более 25—30 тысяч пудов*). Об овсе и картофели сказать еще труднее, так как на них и вовсе обращено мало внимания. Круп очень мало. Об остальных продуктах сведений инструкторы дать не могли.

„Неимоверно развиты в некоторых волостях самогонка, спекуляция и мешечничество. В 12-ти ответах из 17-ти фигурируют такие выражения, как „масса“, „осаждают“, „поголовно“, „везде“ и пр. Получается картина сплошной вакханалии спекуляции и гонки спирта.

„Вооруженная сила почти не применялась, даже в тех случаях, когда хлеб добровольно не отдавали. Между прочим, без нее работать некоторые инструкторы отказываются. С вооруженной силой обещают дать еще много хлеба.

„Вся работа по учету и отобранию хлеба ведется силами самих инструкторов. Волостные и сельские советы почти им не помогают и часто противодействуют, т. к. в них сплошное засилье кулаков. Из 17-ти ответов 3 говорят, что волостные советы помогают, но слабо, 9—совсем не помогают, держатся „нейтрально“, 4—противодействуют и тормозят.

К организации комитетов деревенской бедноты нигде еще не приступлено (в одной лишь волости агитаторами из Тулы организовано 4 сельских комитета).

*) Эти данные об излишках ржи совершенно несостоятельны. Приведенная цифра 25—30 тысяч характеризует лишь одно—насколько часто применялся инструкторами обмер не то что „на глаз“, а по-просту—„с потолка“.

„Декреты о прод. диктатуре и организации деревенской бедноты среди населения не распропагандированы, да и многие инструкторы о них еще не слыхали.

„Поезда ежедневно проходят переполненные мешечниками, несмотря на расставленные на станциях заслоны. Эти заслоны имеют огромное значение, и мешечники на этих станциях убывают или их обходят. И при планомерной борьбе возможно достигнуть хороших результатов. С самогонкой борятся, но слабо. Некоторые инструкторы без всякого усилия отбирают десятками аппараты для самогонки, но это не достигает цели, т. к. самогонщики к суду не привлекаются. При большем усилии можно уничтожить и это зло".

Вот сведения о количестве поступившего и отправленного упродотделом хлеба за апрель, май и июнь.

Поступило (ржи, пшена, овса и круп) в пудах:

	всего.	из них конфиск. на и сзд у мешечников:	итого взято в уезде:
в апреле	24.000	5.000	19.000
„ мае	16.000	9.000	7.000
„ июне	11.000		11.000

Отправлено в Тулу и другие места (ржи, пшена, овса, круп: в апреле 51.000 пуд., в мае 10.000 пуд., в июне 1 600 пуд.

„Оставлено для нужд города Ефремова: в апреле 12000 пудов, в мае 9500 пудов, в июне 7000 пудов.

„Из этих цифр видно, как стремительно падает общее получение хлеба, несмотря на большие запасы в уезде, что приходится отнести исключительно за счет бездеятельности упродотдела. Был случай, когда за 5 дней (от 20 по 25-е июня) было получено из уезда всего лишь 300 пудов, и город Ефремов должен был перейти на ¼ фунта хлеба—суррогатов. И несмотря на то, что этот кризис предвиделся, - мер во время никаких не было предпринято. Таким образом видно, что упродотдел едва ли в силах сейчас прокормить самого себя и не в состоянии снабжать хлебом Тулу или Москву. Ибо тот хлеб, что получался и получается здесь—почти добровольное отчисление деревенского кулачества небольшого количества из своих запасов, часто по слезной мольбе, для города, как это видно из протоколов заседаний управы упродотдела.

„Что касается самого упродотдела, то работает он халатно, в делопроизводстве хаос, бумаги не регистрируются, справку во время совсем не получишь, работа инструкторов ведется самим комиссаром, но не координируется, статистики нет, члены управы не имеют определенной работы, и отдельные работы выполняются тем из них, кто подвернется. Больше половины из них отсут-

ствуют—кто по болезни, кто в отпуску; декреты лишь на бумаге да на словах.

„К этому нужно добавить, что и местные организации партии коммунистов требуют отозвания исполкомом комиссара продовольствия, но исполком противится, несмотря на то, что на словах председатель и члены исполкома как бы идут навстречу нашим указаниям.

„В отношении товарообмена до сего времени упродкомом ничего не сделано. У него имеется партия мануфактуры, присланной от губпродкома для товарообмена, но она еще до сих пор (с 1-го июня) не распределялась. Ввиду инертности упродотдела, придется ее передать в предполагаемый к созданию специальный губернский отдел товарообмена. Пришедшая из Москвы мануфактура находится еще в Туле, где она расценивается, развертывается и через несколько дней будет разослана на места. Здесь же нами привлекаются кооперативы к товарообмену, а также приступлено к учету сданного и сдаваемого хлеба".

В не менее жалком положении находился продовольственный аппарат и соседнего, Епифанского, уезда, куда тов. Шлихтер намеревался распространить свое влияние.

Весьма ценен для уяснения епифанских дел доклад одного из ответственных сотрудников экспедиции т. Эйхе. „23-го октября—пишет Эйхе—комиссар по продовольствию Епифанского уезда тов. Иванов... извещал, что ссыпка в Епифанском уезде тормозится из-за недостатка денег". 25-го октября Эйхе и еще один сотрудник экспедиции выехали в Епифань с деньгами, предупредив Иванова телеграммой. „Приехав в Епифань,—рассказывает Эйхе,—мы застали Иванова в советской столовой и предупредили, что он нам нужен. На это т. Иванов, уходя, ответил: сейчас вернусь". Однако он не вернулся. Все поиски ни к чему не привели. Исчез наш комиссар, убежал от тех денег, в которых так нуждался.

Вечером состоялось заседание упродкома, но общие вопросы продовольственного дела не обсуждались в виду отсутствия комиссара.

На следующий день представители экспедиции собрали уездный исполком, доложили о странном исчезновении Иванова и просили понудить упродком вступить с ними в переговоры. „Мы здесь не будем создавать своего аппарата по заготовкам хлеба—уверяли представители экспедиции,—а лишь поможем упродкому наладить его работу". Весь имеющийся у упродкома хлеб надлежит сдать экспедиции, а на полученные от нее деньги произвести расчет со ссыпщиками.

„Исполком на это согласился и уполномочил коллегию упродкома работать в этом направлении".

К вечеру этого дня явился и пресловутый Иванов со своих
столь неожиданных дел службы.
Об'ехав на следующий день ближайшие ссыпные пункты Епи-
фанского упродкома, тов. Эйхе узнал следующее:
Ссыпка на ст. ст. Епифань, Бобрике-Донском и Клекотках
производилась контрагентами губпродкома и упродкома. Ссыпщики
были—кулаки, прежние хлеботорговцы. Они принимали хлеб от кре-
стьян без всякого контроля, в своих частных амбарах, и сдавали по
актам. ...
Часто наблюдалась между контрагентами конкурренция. По-
ступали жалобы и от крестьян, что их обвешивали....
На ст. ст. Епифань и Клекотки имеются хорошие пакгаузы. . .
между тем ссыпка производилась в частных амбарах; и в послед-
ствии за перевозку из (этих) амбаров в пакгаузы, (за расстояние)
от 50—100 сажень, губпродкому приходось переплачивать от 20—
25 коп. за пуд.
„В гор. Епифани на складах упродкома к 21 октября имелось:
ржи 40.322 пуд, овса 35.131 пуд., картофеля 35.713 пуд. и ка-
пусты 10.182 пуда.... Упродком был должен крестьянам больше
одного милл. руб., и все эти продукты, за исключением овса, были
в очень плохом состоянии": картофель на 1/3 сгнила, рожь, слабо
высушенная, подверглась самосогреванию; капуста, ссыпанная на
открытом воздухе, в значительной части совершенно испортилась....
Комиссар Иванов думал на этот счет иначе.
Он постарался сгладить дурное впечатление хорошей депешей
в Тулу: „27-го октября комиссия от чрезкомпрода Шлихтера про-
верила склады упродкома. Рожь, картофель в порядке". Оборо-
тистый человек этот Иванов!
Представители экспедиции озаботились, прежде всего, спасе-
нием портящейся ржи. Рожь была срочно погружена и отправлена
на сушильный пункт. Затем они побудили упродком заключить
гарантирующий государственные интересы договор с артелью кон-
трагентов по ссыпке хлеба и обеспечили своевременную расплату с
крестьянами за хлеб, дабы у населения не создавалось впечатле-
ние, что хлеб отбирается даром.
Такое впечатление раньше было создано: долг контрагентов
упродкома крестьянам достигал одно время 2.000.000 руб.
К 10-му ноября ссыпка была поставлена на рельсы. Но слу-
чилась новая беда—восстание в Епифани.
Об этом восстании мы скажем ниже. Наша прямая тема и
без того осталась позади.
17-го сентября 1918 года А. Г. Шлихтер созвал в Ефремове
представителей волостных и сельских комитетов бедноты, комитетов,
к тому времени наскоро сколоченных. С'ехалось до 300 делегатов.

После доклада инициатора с‘езда о бедственном положении потребляющих районов, с‘езд принял такой „порядок дня“:

1. Определение хлебных излишков по каждому селению.
2. Организация комиссии по распределению товаров.
3. Степень урожая на экономических полях (сов. хозяйств.).
4. Обращение к Совнаркому.
5. Борьба с мешечниками и самогонщиками.

Так как у делегатов не оказалось на руках сведений по 1 и 3 пунктам повестки, учетную работу пришлось отложить до возвращения делегатов домой. На с‘езде-же ограничиться лишь общей резолюцией о мобилизации всех хлебных излишков на дело революции и о борьбе со спекулянтами, укрывателями и самогонщиками. Этой резолюцией исчерпывались также 4 и 5 пункты повестки.

По 2 пункту с‘езд принял следующее постановление:

„Для проведения в жизнь (указанных в общей резолюции) задач и для организации комиссии по товарообмену с‘езд постановляет:

1) избрать комиссию по одному от каждой волости в числе 27-ми человек, на которую возложить:

а) совместно с народным комиссаром Шлихтером, уездным комитетом бедноты и упродкомом распределить весь имеющийся товар, предназначенный... за хлеб в Ефремовском уезде.

б) расследовать все жалобы на недобросовестные и незаконные поступки со стороны некоторых преставителей продовольственных органов Ефремовского уезда и представить свое заключение... Шлихтеру для принятия надлежащих мер взыскания по отношению к виновным;

в) выработать нормы оплаты труда—на средства народного комиссара Шлихтера —членам комитетов бедноты, оказывающим активное содействие по извлечению хлебных излишков, за все время работы т. Шлихтера в Ефремовском уезде

2. Кроме этого, Ефремовский уездный с‘езд комбедов ходатайствует перед народным комиссаром продовольствия сделать оффициальное распоряжение о том, чтобы после вывоза всех излишков, остающихся от общегосударственной (потребительской) нормы, впредь никакие реквизиции хлеба в Ефремовском уезде не допускались“.

Комиссия была избрана Приняв текст приветственной телеграммы (в то время оправляющемуся от покушения Каплан) т. Ленину и обязавшись произвести на местах сбор хлеба—не менее одного фунта на человека—как подарок для питерских и московских рабочих,—с‘езд закрылся, как сказано в протоколе, „при пении похоронного марша“. В начале большой горячей работы

этот марш звучал не совсем к месту. Если он не пропет после какого-нибудь вставания в честь погибших, *) он мог означать лишь одно: собравшиеся хоронили рабскую тупость и российскую лень.

В лице комитетов бедноты—хотя и неопытных еще, и плохо слаженных экспедиция приобрела деятельных помощников. Но не реоценивать этой помощи не следует. Мы видели, что в Сарапульском уезде дело шло недурно и без комбедов. Секрет успеха в правильном подходе к крестьянству—в самом принципе договорной разверстки и в наличии вооруженного государственного аппарата обложения.

В техническом отношении -ефремовская заготовка была поставлена лучше вятской, потому что в распоряжении экспедиции было больше времени на предварительную организационную работу.

Определение излишков по волостям и составление договоров на поставку было проведено комитетами бедноты под руководством агентов и уполномоченных экспедиции.

Технической ссыпкою хлеба ведали Ефремовский Районный Союз Кооперативов, Боборыкинское Кооперативное Об'единение и Ефремовский Союз Хлеботорговцев и Хлебопромышленников. Эти аппараты были переданы экспедиции упродкомом и губпродкомом.

Основания, на которых работали кооперативные и предпринимательские об'единения, вскрываются договором Ефремовского Союза Хлеботорговцев с Тульским губпродкомом от 24 августа 1918 г. Согласно этого договора, союз брал на себя обязательства „в период реализации урожая 1918 года“:

1) ссыпать от крестьян хлеб в собственных его, Союза, или арендованных складах при ст. ст. Ефремов, Боборыкино, Птань и Куликово Поле;

2) ссыпанный хлеб перевозить, по указанию губпродкома, за его, губпродкома, счет, в пакгаузы, элеваторы и проч. и сдавать там под расписки приемщикам губпродкома;

3) о ходе ссыпки давать надлежащие сведения;

4) с хлебом, не отвечающим кондициям, поступать согласно инструкции губпродкома; за принятый вопреки инструкции некондиционный хлеб, а также за всякую пропажу ссыпанного хлеба, происшедшую не от непреодолимых сил, нести ответственность в полной мере (Союз Хлеботорговцев даже готов был „быть подвергнут штрафу, *аресту*“).

В силу договора непреодолимых Союз приобретал право:

а) получать от губпродкома авансом средства на оплату хлеба и транспортировку хлеба, а также и тару;

б) получать ежемесячно комиссионное вознаграждение из рассчета по 26 коп. со ссыпанного пуда.

*) Так именно это и было

А. Шлихтер.

Вероятно, немногим отличались от этого и договоры с кооперативными организациями; вероятно также, что эти договоры были приняты и экспедицией *).

Общий характер экспедиционных работ оценивается „Известиями Ефремовского Совета“ так: успех ссыпки был обеспечен „настойчивой техникой руководителя операции т. Шлихтера, широким размахом в действиях его уполномоченных по волостям, содействием комитетов бедноты и нестеснением денежными знаками при расплате за хлеб“.

„Подготовительная работа к этой кампании... была выполнена успешно, подсчет... до приезда был закончен, экономические поля были убраны средствами упродкома, **) и начата была ссыпка“.

Насчет „настойчивой техники руководителя операции“ можно не сомневаться. Но вот, что подготовительная работа была закончена успешно,—это внушает сомнения. Кем была она закончена? Автор разумеет, вероятно, упродком и тем вступает в бой с истиной.

В борьбе с мешечнической торговлей в Ефремовском уезде были применены А. Г. Шлихтером те-же меры, что и в Сарапульском, с небольшими изменениями. Действовали заградительные отряды. По селениям рассыпались вооруженные группы для „накрытия“ первоисточника вольной торговли—сельского кулака, а также для борьбы с самогонщиками.

Комитеты бедноты являлись тем органом „внутреннего наблюдения“, который отсутствовал в Вятской губернии. Следующие документы характеризуют суть дела.

„Показание Председателя волостного комитета бедноты и сельского комитета бедноты села Бурелом на граждан села Бурелом, которые занимались для спекулятивных целей, меняли хлеб на ситец и другие товары.

„Гражд. (далее следует ряд имен и фамилий) и граждан дер. Гранова, той-же волости опять несколько фамилий.

„Вчем подтверждают своей подписью Председатель комит. бедн Волости (такой-то) Председатель комит. села (такой-то) Член комитета бедн. села (такой-то) 1918 года 1-го октября“ ***).

По этому показанию были произведены обыски, результатом которых явился следующий

„П р о т о к о л

На граждан села Бурелом 1) Рогов Николай Федоровича по показанию Рогова кредитными билетами с царскими рожами и других, которые опечатан печатью в сумме пятнадцать тысяч

*) Договоры эти были утверждены мною. **А. Шлихтер.**

) Обмолот хлеба в значительной мере был выполнен не упродкомом, а агентами моей экспедиции. **А. Шлихтер.

***) Здесь и ниже сохраняется орфография подлинника **А. Шлихтер.**

(15000) рублей без проверки при домашнем обыске два фунта чая росыпного и одна четверть фунта плиточного и 25 фунтов сахара приблизительно 71 кусок различной материи и ситцу который вымечен на хлеба разных размеров не проверенных и опечатаны печатью при товарище Председателя Сельского Комитета Бедноты. . . . и Председателя Волостного Комитета Бедноты.... все выше сказанное конфискуеца за спекулятивные цели (политическим комиссаром Петерб. продотряда)"...

Далее следует перечень добра (43 куска материй и ситца. 10 кусков разных материй, 20 ф. сахару, 20 ф. мыла, 2 п. муки, 2 ф. чая), найденного у граждан Байбаковых, Степана и Григория. Все это опять-таки „конфискуеца за укрывательство и обмена на хлеб".

У гражданина Заздравного обнаружено 20 фун сахару „который выменян на муку". Очевидно, поэтому конфискуется (лошадь) с рабочей телегой на ней упряжью за спекулятивные цели"...

У гражд. Райского, который есть „спекулянт торговец и ростовщик", „при обыске найдено куски материй и ситцу разного размеру (в количестве 52 куска), сахару и песку приблизительно больше пуда и фунт рассыпного чая"...

„Конфискуеца все выше сказанное лошадь с рабочей упряжью тоже конфискуеца за спекуляцию".

Поступило-ли все то, что „конфискуеца за спекулятивные цели", в руки экспедиции, мы не знаем, не знает этого, вероятно, и т. Шлихтер. *) Но можно быть уверенным что юрисдикция новейшего претора—политического комиссара 1-го Петербургского продотряда—стояла в остром противоречии с правосознанием даже членов комитетов бедноты.

О среднем крестьянстве и говорить нечего.

Грозный претор не ограничивался конфискацией. Он налагал и более серьезные взыскания. Вот подписанный его рукой документ (с сохранением орфографии):

Куркинской волости Ефремовского уезда Тульск. губ. в поселке Куликово поле. Купцы колбасники Силоевы Григорий, Михаил отказали в продукте 1-му Петербурскому Продовольственному отряду, как ветчины, так и колбасы пришлось произвести обыск. найдено 6 бочек гарного масла, сырой свинины 6 пуд. и 16 мешк. муки ржаной за укрытие свинины приговариваются по 1-му месяцу общественных работ в распоряжение товариц. (такого-то) Уполномоченного Чрезвычайным Комиссаром товариц. Шлихтером. Обнаружено около пятнадцати бочек мяса от которого издается сильный запах За отказ в подписи Протокола приговариваются по

*) Все конфискованное в Куркинской волости поступило не в экспедицию, а местному комитету Бедноты; на эти средства комитет организовал клуб-читальню.

А. Шлихтер.

1-му году общественных работ 1-го Петербургск. Продовольственн.. Отряда Политическим Комиссаром товарищ. Михайловым.

В чем и свидетельствую Председатель Кометета бедноты (подпись).

„Политический Комиссар и т. д. (подпись)". Печать Куркинского вол исп. к та. Даты не указано.

Какая свиреность!

Не знаем, что думают на этот счет продовольственники, наше мнение: нельзя вручать щекотливое дело борьбы со спекуляцией неподходящим людям*). Если людей нет,—лучше отказаться от такой борьбы и припалечь на творческую работу. Во всяком случае правотворец Михайлов, шатаясь по деревням, не обеспечил т. Шлихтеру ни одного лишнего пуда хлеба. Он обеспечивал ссыпку гораздо лучше, пока сидел в Ефремове и крепко держал в руках винтовку.

3. Договоры разверстки.

„Ефремовский уезд был обложен мною, говорит А. Г. Шлихтер, хлебной повинностью в размере 1.069.762 пуд. ржи и 1.222.541 пуд овса. И вот. благодаря этому, Тульская губерния. которая в течение всего года (1918 г.) была на положении только потребляющей и не выполняла никаких нарядов Компрода,—эта губерния только из одного Ефремовского уезда дала государству за первые 33 дня работы моего отряда вывоз в Москву и Петербург 1.461.000 пуд ржи и овса. что составляет среднюю ежедневную отправку 44.373 пуд. (в указанном количестве 60% падает на овес, остальное—рожь)".

Самая техника разверстки была в этой губернии улучшена. В то время, как в Сарапульском и Малмыжском уездах чрезвычайный комиссар договаривался только с уездным с'ездом крестьянских депутатов,—в Ефремовском он подошел ближе к деревне, стал заключать договоры с волостными представителями комитетов бедноты—в каждой волости особо.

В архиве экспедиции сохранились договоры (по Буреломской волости) даже с каждым отдельным селением: как можно предположить, эти договоры заключал, от имени т. Шлихтера. местный волостной комитет бедноты. Экспедиция была против такого распыления сил, лишающего работу учетного и организующего характера.

Тем не менее эти договоры очень показательны, и мы их приводим в извлечениях. Тут имеется целая коллекция—засаленные, припечатанные традиционной медной печатью „сельского

*) Автор впадает здесь в преувеличения и делает неправильные выводы. Работа в Ефремовском уезде т. Михайлова, Петроградского рабочего, состоявшего политическим комиссаром. не вызывала ни жалоб, ни нареканий со стороны комитетов бедноты. Приведенные случаи конфискации производились по инициативе комитета бедноты.
А. Шлихтер.

старосты" листы, над которыми потела крестьянская полуграмотная голова, непривычная к перу

Вот образцы—с сохранением орфографии:

„1918 года сентября 18 дня. Мы, ниже подписавшиеся Граждани Буреломской Волости деревни Залесской бывший Государственнай крест. быв сего числа собранъ сельский сходъ въ присудствій нашего Сельскаго председателя Сергея Бойбакова Из числа 85-ти домохозяев явилось больше двух третихъ имели суждение между собою нащеть добровольной выдачи хлеба комисару продовольствия и мы Граждани единогласно постановили выдать съ каждой десятины ржи 11 п. одинцать пудов, овса 10 п. десить пудов, еще кроме того поодному пуду съ десятины мы Граждани уже вывезли накоторою имеим обцію квитанцыю для правильнаго доказательства больше цыфру мы неимеимъ средствъ повысить А главное потому что въ нашем обществи есть несколько Гражданъ неимеющих посева и мы согласились поделить между собою поровну поетому просимъ васъ обратить вниманья означенную цыфру мы Граждани обязуемся выполнить в томъ и подписуемся".

Дальше следуют подписи.

К этому протоколу приложена и та „цыфра", о которой говорят подписавшиеся,—в виде довольно грамотно составленной ведомости разверстки по домохозяевам, заверенной председателем сельского совета.

А вот упрощенное обязательство:

„Список граж. села Бурелом, Буреломской волости, Ефремовскаго уѣзда сколько можетъ каждый домохозяинъ, дать ржи и овса голодающим городов Петрограда и Москвы.

№№ по порядку.	Имя Отчество и Фамилия	Ржи пуды	Овса пуды	Подпись каждаго домохозяина.
1	Дмитрий Як Байбаков	10	15	За Байбакова И. Селиверстов
2	Петр Андр Бэшкоров.	85	32	Василий Бэшкаров.
3	Алексѣй Ник. Рогов	35	30	Алексей Рогов.
4	Иван Сергеев Рогов	35	50	Иван Рогов
5	Матвей Алек Спирин	20	25	Матвей Спиринъ.

И т. д.

В конце ведомости значатся подписи:

Комитетъ Бѣдноты и
сельскаго Совета Председатель *Федосий Бдаковъ.*
Товарищь Председателя *Иван М. Силиверстовъ.*
Секретарь *Илья Алексъев Силиверстов.*

Далее следует ряд совершенно безграмотных протоколов сельских сходов, смысл которых тот-же: „все свои излишки посили возможности“ сдать, „везти хлеб вопределоное время ... для провителства)“ „излишек хлеба одать безовсякова препятствия... кто сколько может“ и т. п.

Получив в свои руки такие сельские договоры, А. Г. Шлихтер, повидимому, почувствовал, что влияние на ход разверстки от него ускользает, самая разверстка превращается в какой то „откуп“, как говорили инструкторы. Необходимо было пресечь всякое кустарничество И т. Шлихтер рассылает всем волостным комбедам уезда такой циркуляр:

„При об'езде ссыпных пунктов Ефремовского уезда мне сделалось известным, что волостные комитеты бедноты разложили хлебную повинность по вывозу договоренного хлеба равномерно на каждую посевную десятину—как у кулака, так и у бедняка. А в одной волости (Остропятской) распределили повинность подушно (по 3 пуда с едока). Такие действия комитетов бедноты неправильны. Распределение надо производить следующим образом. Общее количество хлеба, договоренного к вывозу со всей волости, надо сначала разложить по сельским обществам по числу посевных десятин в каждом обществе. Затем для сбора хлеба, наложенного волостным комитетом на сельское общество, надо в каждом селе отобрать в первую голову все излишки хлеба у всех кулаков и вообще у зажиточных крестьян. Если этого сбора не хватит для выполнения наложенной повинности, то тогда взять излишки у середняков. Если же и этого не хватит, то тогда перейти к учету хлеба у бедняков и взять излишки также и у них. Если и после этого не будет еще покрыта хлебная повинность, наложенная комитетом на село, то тогда эту нехватку надо пополнить из излишков, которые окажутся после сбора хлеба в другом селе, более урожайном и более богатом. Так должно быть собрано количество хлеба, договоренного по условию. Все же излишки, которые окажутся у населения сверх вывезенного по договору, должны быть взяты под строгий учет комитетов бедноты. Я гарантировал, что после меня никто больше в Ефремовском уезде не будет отбирать хлеб насильственным путем. Эта гарантия будет выполнена, но это не значит, что после вывоза договоренных излишков, остатки хлеба могут куда-нибудь продаваться, кроме как советской власти по твердым ценам. Это значит только то, что там, где окажутся излишки больше, чем было вывезено мною по договорам, население может и должно отдать эти излишки добровольно через местные комитеты бедноты Ефремовскому продовольственному комитету. При чем из этих излишков комитеты должны часть оставить в запас для местных нужд на случай каких-нибудь непредвиденных пот-

ребностей. например, для прокормления беженцев или пришлых из города. Из этого же запаса комитеты бедноты должны выдать хлеб тем беднякам, у которых сбор своего хлеба был меньше, чем им полагается для собственного прокормления по нормам, установленным декретом Совета народных комиссаров. Вся же остальная часть собранных комитетом бедноты излишков должна быть передана Ефремовскому продовольственному комитету под расписку по твердым ценам".

„Настоящее мое распоряжение объявить немедленно через сельские комитеты бедноты всему населению волости с предупреждением, что каждый бедняк, если ему покажется что-нибудь непонятным в этом распоряжении, может обратиться ко мне лично в г. Ефремов за раз'яснениями, которые немедленно будут ему даны".

Вместе с этим циркуляром, отдается распоряжение изменить и технику заключения договоров—договариваться с волостным с'ездом представителей комбедов, а не с бесформенными сельскими сходами.

Эти договоры -по волостям -носят уже определенную форму, как кажется инспирированную руководителем экспедиции. Вот, например, „протокол собрания представителей от комитетов бедноты (такой-то) волости с участием уполномоченного чрезвычайного комиссара.... 22 сентября 1918 года. На собрании участвовало 17 представителей. Председателем единогласно избран....

„Слушали доклад уполномоченного.... о поставке из пределов.... волости хлебных излишков 150 000 п., в том числе 60.000 п. ржи и 90.000 п. ярового хлеба—овса, гречихи и др.

„Постановили: общее собрание председателей всех сельских комитетов бедноты.... волости, обсудив вопрос об из'ятии хлебных излишков, постановило: принять на себя обязательство в кратчайший срок сдать на ссыпной пункт в г. Ефремов по твердой цене сто пятьдесят тысяч пудов хлеба, как экономических, так и крестьянских полей, озимого и ярового посевов, при чем ржи в том числе не менее 60 тыс. пуд.; 2) по сдаче всех хлебов ... волость получит на 25% стоимости хлеба товаров, которые будут распределены населению по указаниям волостного комитета бедноты. Принято единогласно". Следуют подписи.

Не лишне привести копию и еще одного документа того же рода. „Договор 1918 г. сентября 27 дня, мы, нижеподписавшиеся,—агент чрезвычайного комиссара.... и граждане Тульской губ., Ефремовского уезда, Остропятской волости,—представители волостного совета и от комитетов деревенской бедноты - заключили настоящий договор в нижеследующем:

„1. С сего числа мы, граждане Остропятской волости, согласились дать излишки хлеба—ржи $22^1/_2$ тысячи пудов и овса то же самое количество в распоряжение государства по твердой цене.

„2: Указанный хлеб мы обязаны обмолотить и приступить к вывозу на ст. Сафоновку, закончив не позже $2^1/_2$ недель, считая со дня подписания настоящего договора, имея в виду хорошую погоду.

„3. Хлеб принимается за наличный расчет, при чем для обеспечения населения необходимым товаром будет выдаваться в размере одной четверти стоимости принятого хлеба.

„4. Товар будет выдаваться после поступления хлеба в волостной комитет бедноты, каковой будет распределяться по сельским комитетам, согласно исчисления едоков, наделяя в первую очередь между неимущими, не считаясь с тем, хватит ли товара зажиточным.

„5. Агент... комиссара... гарантирует, что после вывоза излишка хлеба никаких реквизиций таковых в волости производиться не будет—ни организациями, ни учреждениями

„6. Ответственность за выполнение настоящего договора возлагается на все—волостной и сельские—советы и комитеты бедноты, в чем и подписуемся..."

Следуют подписи.

В одном из подобных договоров находим любопытное место:

„2. В случае, если по вывозу известного количества хлеба меньше 200 000 пудов по тщательной проверке советы и комитеты бедноты под личной своей ответственностью, заявив, что больше излишков в... волости нет, в волость придет большой продовольственный отряд, который сразу начнет обыски и проверку во всех селениях, при чем всякий крестьянин, у которого будут обнаружены излишки или спрятанный хлеб, будет расстрелян на месте" *).

Чисто детское запугивание. Это, надо думать, какой-то агент экспедиции из начинающих переусердствовал, или сам волостной комбед вставил энергичное выражение для острастки своих богатеньких односельчан.

Юридическая природа этих договоров неясна. Возникает, прежде всего, общий вопрос: зачем, собственно говоря, эти бумажки, когда разверстка является волеиз'явлением государственной власти, волеиз'явлением, не нуждающимся в санкции тех граждан, которым оно адресовано? Далее, если это действительно—договоры в данном случае равноправных сторон агента Республики и коллективов граждан,—то как смотреть на самую разверстку—все таки как на публично-правовой акт, или же, как на акт частнохозяйственный? Наконец, какова санкция этих договоров—уголовная или гражданская ответственность грозит стороне, нарушившей договор?

*) Пункт этот, очевидно, вставлен самим волостным комбедом.

А. Шлихтер.

Тут есть над чем подумать досужему юристу. Но тов. Шлихтер, заключая свои сделки, не интересовался всеми этими юридическими тонкостями. Нам они тоже безразличны. Эти договоры ничто иное, как *агитационный и политический прием*—вот и все. Могло случиться, конечно, что чрезвычайный комиссар привлек бы тот или иной волостной комбед к суду за невыполнение договоренной хлебной поставки, могло случиться, что и тот или иной комбед или даже отдельный заинтересованный гражданин (дестинатор, по терминологии римского права) привлек бы к суду т. Шлихтера за нарушение им своих обязательств в отношении товарного снабжения. Тогда революционный суд рассмотрел бы дело по существу, как это у нас происходит всегда, и наказал бы виновную сторону или, принимая во внимание ту или иную обстановку, оправдал бы. Тут не понадобилось бы долгих предварительных умствований, какое actio надлежит в данном случае применить.

6. Ссыпка договоренного хлеба.

Немедленно после заключения договора началась в Ефремовском уезде усиленная ссыпка хлеба. Чтобы судит об интенсивности хлебного подвоза, достаточно взглянуть на цифры, касающиеся лишь одного, правда, наиболее крупного ссыпного пункта.

Ссыпано на ст. Ефремов (в пудах):

	Реквизирован. хлеба.	Экономического хлеба.	Крестьянского хлеба.	Мельничного хлеба.	Всего.	Процент от общего количества	
На 28 октября .	15,588	72,455	496,040	12,256	596,339	57	57%
" 1 ноября .	24,973	74,559	580,175	12,635	692,342	66	30%
" 15 " .	24,973	78,420	795,467	18,522	917,382	87	
" 21 " ,	24,973	79,572	860,119	19,002	983,666	93	13%
" 1 декабря ,	24,973	83,594	919,213	19,002	1,046,782	100	

Бывали дни, рассказывает тов. Шлихтер в одном из интервью, когда ссыпка достигала 60 тыс. пудов. Целые обозы с хлебом стояли перед ссыпными пунктами. Несмотря на хорошую организацию приемки, контр-агенты экспедиции не успевали взвешивать хлеб и выписывать квитанции.

Общее движение ссыпки по договорам выражается в следующей таблице:

Волости ссыпали ржи (верхняя цыфра) овса (нижняя цифра).	Надлежит вывезти по договору.	Вывезено на ссыпные пункты (в пудах) На 12.XI.	На 23/XI	На 1/XII	На 9/XII	Недовывезено	Вывезено сверх договора.
1. Ушаковская	24 000 32 000	17 035 17 926	17.276 20 067	17 414 20 140	17.508 21 223	6.492 10.777	— —
2. Дмитриевская	25.000 25.000	12.341 12 211	12 597 13 612	12 822 14 019	13 334 14.037	11 666 10 963	— .
3 Дмитр.-Локотец	50.600 47 500	31,053 42 409	32.742 49.514	38 837 50 674	42 356 51.241	8 244 —	— 3 741
4. Волынская	30.000 30.000	12 018 35 157	15 640 38.874	24.153 39.298	26.731 39 508	3 269 —	— 9 508
5. Березовская	45 000 50 000	27 856 25 616	27.861 32.754	33 842 34 128	34 996 34 175	10 004 15 825	— —
6. Дарвщенская	100.000 100.000	11.432 25 266	31.257 51 461	46 530 52 526	60 041 53 411	39 959 46 589	— —
7. Шыповская	30 000 35.000	31 230 49.940	34.910 58 587	35.659 62.012	35 659 62 012	— --	5.659 27.012
8. Лобановская	38.000 41 000	33.644 61 089	32.969 66.275	32.986 66.703	33.121 67.027	4 879 —	- 26.027
9. Старогольск	30 000 35.000	18 974 36.088	27 189 41 394	28 807 41 757	29.677 42 529	323 —	— 7 529
10. Ступинская	50.000 65.000	32.187 44.500	32 624 47.065	34 336 47 185	39.182 47 745	10.818 17 255	— —
11 Коломенская	 —	 18.727	-- --	--- ---	— 18.727	— —	- 18 727
12. Ник. Птанская	35 000 55 445	27.298 51 081	35 571 60 715	37.631 61 249	37 631 61 249	— ---	2 631 5 804
13. Сергиевская	40.000 45.000	20 477 57 214	32 288 83 042	39 006 84 439	39 006 84 439	994 —	-- 39 439
14 Солдатская	14.790 18.000	14 259 16 166	18 179 18.012	18.709 19.139	18 724 19 139	- —	3 934 1 139
15. Михайловская	— —	561 20 730	— —	— —	561 20 730	— -	561 20.730
16 Силинская	27.000 27 000	22 355 35 928	28 522 41.883	28 259 42.148	28 259 42.148	— —	1.259 15 148
17. Папортская	— —	— 305	- —	— -	 305	— —	— 305
18. Орловская	-- —	— 24	— —	— —	— 24	— —	— 24
19. Павло-Хуторск.	43.275 58 275	27.949 31 104	45 267 51 198	42 507(?) 51.590	42 574 51.839	701 6.436	— —
20. Любимовская	— —	81 2.831	— —	— —	81 2.831	- —	81 2 831

Волости ссыпали рж (верхняя цыфра) овса (нижняя цифра).	Надлежит вывезти по договору.	Вывезено на ссыпные пункты (в пудах) На 12 XI	На 23/XI	На 1 XII	На 9. XII	Недовывезено.	Вывезено сверх договора.
21 Кремлевская	— —	— 23	— —	— —	— 23	— —	— 23
22. Непрядвинская	— —	4 104	— —	— —	4 104	— —	4 104
23 Куркинская	35,000 35 050	19 019 49.798	28.396 64 211	33 491 68 874	33.491 68 874	1.509 —	— 33 874
24 Хорошеводская	33 790 70.120	20.351 44 596	31.786 63.607	33.281 65 580	33 281 65 580	509 4 540	— —
25 Абдуловская	35 000 35.0.0	13 872 35 170	24.350 45.016	33.838 46 183	33 838 46 183	1.162 —	— 11 183
26 Ивановская	— —	22 1.235	— —	— —	22 1 235	— —	22 1 235
27. Буреломская	13 000 12.704	17.349 20.033	39 827 37.178	52 278 37.394	52.597 37.619	— —	39 597 24 918
28 Георгиевская	75.008 75 060	32 5.8 41 087	53.631 57.632	67,943 67 016	68.808 69.882	6.192 5 618	— —
29 Остропятская	22.590 22.500	7.556 12 086	21 460 26.670	23.572 27.613	23.902 28.994	— —	1 402 6 494
30. Ситовская	35.000 35 000	5.439 14 677	25.465 37 867	28.021 38 109	32.598 39.404	2.402 —	— 4 404
31 Долголесковская	70,060 70 000	26 145 50.785	52 882 66.398	56.815 69 639	64.438 75.884	5 562 —	— 5 884
32. Замарайская	40 500 45 000	10 352 55 484	40 621 57.751	40 636 58 300	40.763 58 806	— —	263 13.806
33 Каменская	60 000 90 000	10 604 42 159	29 516 56.212	41 088 66.320	49 225 70 974	10 775 19 026	— -
34 Староказачья	50.000 55.000	19 439 56 939	19 854 58.920	20 527 60 046	20 583 60 471	29.417 —	— 5 474
35. Стрелецкая	16 640 13 000	14 878 10 992	14.902 10 992	14 902 10.992	16 102 10.992	235 2 008	— —
Итого	1 069 605 1,222 541	568 291 1 022 384	807 528 1 256 887	920 896 1.303.157	969 393 1.348 870	155 115 139 037	55 413 285 366
или в %	100 100	53 84	75 103	86 106	91 112	9 —	— 12

Ссыпной пункт на ст. Ефремово.
Скопилось до 600 подвод с зерном. Ссыпка производилась днем и ночью, с перерывом в 3—4 часа.

Как видно из этой таблицы.

на 12 ноября выполнили договор 6 волостей.
„ 23 „ „ „ 6 „
„ 1 декабря „ „ 2 волости
„ 9 „ „ „ 2 „

Итого. . 16 волостей, из общего количества 27 договорившихся*) волостей, или 59%.

Для овса общее договоренное количество по уезду было покрыто с излишком уже к 23 ноября. Что касается ржи, то на 9-е декабря было вывезено этого продукта в количестве 91% договоренной суммы.

Иными словами, в течение приблизительно 45 дней экспедиция заготовила 2 миллиона 300 с лишним тысяч пудов.

Дальнейшее движение договоренной ссыпки представляется в следующем виде:

н е д о в е з е н о:

На данное число.	Стольким то волостям.	Р ж и	О в с а	В С Е Г О.
На 7 янв. 1919 г	20	133 380	133 791	267.171
На 30 января 1919 года . . .	19	129 083	130.209	259,292
вывезено сверх договорной суммы:				
На 7 янв 1919 г.	17	16 684	232 158	248.842
На 30 января 1919 года . . .	?	17 206	242 982	260 188

При оценке этих данных необходимо иметь в виду, что одна из волостей (Буреломская) была обложена более повышенными, чем указано в нашей таблице, ставками—для ржи—на 37 тысяч пудов, для овса—на 17.299 пуд., всего на 54.299 пудов (вместо 25.701 пуда).

Таким образом, недовоз выражается в 204 993 пуда или в 8.9% первоначальной суммы продовольственного налога поставка-же сверх договоренной суммы равна 13.7%; иными словами—Ефремовский уезд покрыл весь свой налог с избытком в 4.8%.

*) На каких условиях поставляли хлеб остальные волости,—мы не знаем.

Кромс заготовки по договорам в Ефремовском уезде, экспедиция стремилась заготовлять и в других районах Тульской губернии. Как уже указывалось выше, было обращено большое внимание на Епифанский уезд.

По данным губернской статистики, результат 1917—18 с.-х. года в Епифанском уезде выражался такими цифрами:

	для озимого хлеба:	для овса:
при посеве в	54.000 дес.	41.100 дес.
и валовом сборе в	3.500.000 пуд.	2.675.000 пуд.
семенная, продовольственная и кормовая потребность выражалась в	2.596.000 пуд.	1.463.000 пуд.
следовательно, свободный излишек равнялся	904.000 пуд.	1.212.000 пуд.

Эти излишки были реализованы Епифанским упродкомом в незначительной доле —

для ржи — в сумме . . . . 61.700 пуд.
для овса — в сумме . . . . 272.000 пуд.,
т. е. в общем 15,7%

Непосредственно силами экспедиции было ссыпано, сверх того, ржи 4.700 пуд. и овса 13.000 пудов.

В первую очередь А. Г. Шлихтер хотел овладеть экономическим хлебом из национализированных, бывших помещичьих хозяйств.

По данным Епифанского упродкома, в Епифанском уезде имелось в 1917—1918 сельско-хозяйственном году экономических полей:

под пшеницей . . . . . 169 десятин.
под рожью . . . . 894 десятины.

Итого . . . . 1063 десятины.

Собрано было в экономиях силами земельного и продовольственного отделов:

ржи . . . . . . 55.669 }
пшеницы. . . . 11.963 } 67.633 пуд.

Выдано беднейшим крестьянам на обсеменение полей	18.617 пуд.
Выдано на продовольствие беднейшего населения . .	5.273 пуд.
Сдано упродкому	18.527 пуд.
Итого израсходовано. . . .	42.417 пуд.
Было в остатке на ноябрь 1918 года	25.216 пуд.

Эти данные относятся к 29 волостям уезда из общего числа 34. По пяти волостям упродком не имел сведений.

Просмотр анкетных листов, полученных из экономий, наводит на мысль, что многое в вышеприведенных цифрах, выражаясь мягко, отклонено от истины.

Как бы там ни было,- значительный запас хлеба лежал готовым к отправке. Его нужно было взять и погрузить. Но сделать этого не удалось, как не удалось развить в Епифанском уезде заготовку и крестьянского хлеба. Экспедиции пришлось вторично испытать на себе последствия хозяйничанья местных людей и последствия их управления.

В первой половине ноября разразилось возстание в г. Епифани и окрестных волостях.

О ходе этого восстания местный уездный военный комиссар докладывал:

„Утром 10 ноября в 7 ч. 35 м. . . . получена телеграмма с поселка ст. Епифань, что почтовая контора и телеграф при поселке . . . заняты вооруженной бандой в несколько человек". За всякое, переданное по телеграфу, слово грозили расстрелом, однако телеграмма была кем-то передана. Автор доклада „отправился с отрядом в 25 человек . . . подавить банды и уладить конфликт мирным путем как и всегда приходилось улаживать проезжающие войска". Из опроса встречных выяснилось, что на станции „всех арестовывают — служащих и членов совета — и много толпы и вооруженных солдат". Высланная комиссаром конная разведка установила, что „не проезжающие солдаты, а местные крестьяне выступили вооруженные и часть прибывших из Веневского уезда вооруженных и агитировали для свержения советской власти". Были вызваны подкрепления.

После перестрелки станция занята советскими войсками. Общие потери с обоих сторон: 11 убито, 3 ранено.

Восстание перекинулось в соседние волости. Там производились самосуды над советскими работниками и разгонялись советы. Местную роту и прибывшие в Епифань подкрепления комиссар разделил на 3 отряда и отправил по селам. Нигде не было оказано серьезного сопротивления Виновные арестованы и переданы ч. к., советы восстановлены. К 18 ноября порядок был водворен всюду.

В момент восстания А. Г. Шлихтер был в Москве. Встревоженные сотрудники экспедиции шлют ему депешу—чуть не по десяти адресам. Эта депеша настолько характерна во всех отношениях, что мы приведем ее полностью.

„Сейчас прибыли отряды латышей и петроградцев с пулеметами в Епифань, где сегодня возникло восстание, были арестованы Эйхе и другие наши сотрудники, разграблены документы и часть

денег в размере 15 тысяч рублей. Положение окрестных уездов крайне тревожно. В Ефремовском пока спокойно, хотя все время состояние напряженное. Циркулируют слухи о вашем бегстве. В органе Тульского губкома партии „Коммунар" помещена передовица о вашем отозвании в связи с дезорганизацией вами продовольственного дела в губернии. Тулисполком предписал Ефремовскому исполкому считать недействительным ваше распоряжение об освобождении уезда от пудового подушного налога и приступить немедленно к взиманию. Последнее обстоятельство поведет к восстанию в нашем уезде. В виду окончания работы в Ефремовском уезде, необходимо разрешение вопросов об обеспечении воинских частей, винокурения, фонда Ефремова и Тулы, также срочной реорганизации упродкома, совершенно бессильного распределить товары, которых сейчас, за исключением вывезенных, стоит на рельсах 27 вагонов, продолжающих все время прибывать. В Епифани около полмиллиона пудов экономического хлеба, который гниет, растет и расхищается. Нет никакой решительно организации и вывоза. Вывозимый хлеб в большинстве горит, требуется срочная организация сушки и решение вопроса о назначении этого хлеба. Пока первый поезд отправляем для просушки в Куркино, которое может сушить два вагона в день. В виду изложенного настаиваем на немедленном вашем приезде в Ефремов. Ждем вас 12. Телеграфируйте".

Как можно заключить из этой тревожной телеграммы, т. Шлихтер сильно таки „насолил" Тульским государственным людям. В борьбе с ним была применена даже самая подлинная клевета.

Почему-же возникло это курьезное восстание мирных епифанцев?

Кроме приведенных выше фактов, указывающих на скверное хозяйничанье местных властей,—причина восстания выясняется и из следующих документов.

Председатель епифанского уездного комитета бедноты официально докладывал 1 ноября А. Г. Шлихтеру, что „позиция, какую теперь уездный епифанский исполком занимает,—недопустимая. Пьянство членов исполкома авторитет власти сводит к нулю... Все поголовно население уезда знает о пьянстве и каждому агитатору замазывает фактами рот. В партийном комитете я ошибся: он нерешителен. Партийной дисциплины—никакой. Все себя чувствуют свободно. Посещать ли комиссариаты, или нет —повидимому для всех, кроме некоторых, безразлично... Есть основательные сведения, что комиссар продовольствия так же занимается пьянством, но довольно умело!.. Укомбед ответственные работники не признают... хотя в работе по уезду особенных преград не видим. От чека было заявлено... что... укомбед не имеет права

арестовывать кулаков, от упродкома—что мы не в праве бороться со спекуляцией. . Положение скверное".

В акте ревизии исполкома и партийного комитета Епифанского уезда от 8 ноября говорится, что „внешний порядок в партии создан единичными личностями."

„Остальные же товарищи из партии занимались больше всего не партийной работой, а лишь советской, да и то с горем пополам. Чистота и дисциплина партии отсутствовали, и наблюдалась какая-то распущенность и пьянство". Командированные из центров для продовольственной работы товарищи чуждались местной партийной жизни, не были зарегистрированы в местном комитете. Отчуждение дало повод даже к столкновениям их с комитетом и чрезвычайной комиссией.

Некий, бывший уполномоченный по продовольствию в Епифанском уезде, доносит о каком то военном комиссаре, раз'езжавшем „на шикарном автомобиле по своей деревне"... „и в связи с его пьянством в Епифани был убит красноармеец". Орловский волостной совет жалуется на некоего члена уездного совета, который „позволил себе самовольно взять из ведения сего совета кожаную покрышку от пролетки". Кроме того, этим же членом „из опечатанного волостным советом дома взято воровским порядком большое количество белья" и т д.

Значит—вот в чем дело! Гниющие овощи и хлеб, странные отлучки, пьянство, бандитизм, праздность и неразбериха—разве этого мало для восстания? Все эти люди, так ревниво оберегавшие прерогативы своих пишущих машинок, не заслуживали доверия партии и снискали глубокую ненависть населения.

Восстание, по счастью, не перекинулось в Ефремовский уезд—по соседству. В этом можно усматривать благотворное влияние шлихтеровской экспедиции. Почти в каждом селении была группа людей, видевших своими глазами, что действительные представители советской власти—не пьяницы и не бандиты, что собираемые с населения ценности не обмениваются экспедицией на водку, а посылаются голодному народу. Влияние этих групп—членов ли там комбедов, или неорганизованных крестьян в критическую минуту 10, 11, 12 ноября было громадно Вряд-ли в этом можно сомневаться

Епифанское восстание стоило экспедиции не 15 тысяч рублей, разграбленных толпой, а гораздо дороже. Оно на много дней расстроило всю работу по ссыпке хлеба, а в Епифанском уезде и совершенно приостановило ее. В крестьянстве создалось, если и не явно враждебное, то всетаки выжидательное настроение. Можно с уверенностью, поэтому, сказать: не будь на советском горизонте этих жалких пьяниц и хулиганов, нижеследующая таблица имела бы еще более внушительные цифры.

Общая заготовка экспедиции в Тульской губернии выражалась на 1 декабря 1918 года в почтенной цифре—2.625.000 пудов. А именно, было заготовлено хлеба (в пудах):

	Крестьянского	Экономического.	Мельничного.	Конфисковано и реквизировано.	Всего
В Ефремовском у. . .	2.174.509	179.834	21.940	604	2.376.887
„ Богородицк. „ . . .	90.434	7 272	—	—	97.706
„ Епифанском „ . . .	123.633	696	—	—	124.329
„ Данковском „ . . .	2.341	—	—	—	2.341
„ Лебедянском „ . . .	253	—	—	—	253
Получено от Епифанского упродкома	22.666	—	—	—	22.666
Реквизировано на разных станциях	—	—	—	975	975
Итого . . .	2.413.836	187.802	21.940	1.579	2.625.157

Всего-же заготовлено экспедицией в Тульской губернии на 30 января 1919 г.:

ржи	1.135.690	пуд.
овса	1.541.248	„
пшеницы	37.427	„
муки ржаной	4.210	„
гречихи	3.633	„
картофеля	25.596	„
прочих продуктов	1.062	„
итого	2.748.866	пуд.

Г. Ефремов. Ссыпка на весы у пакгаузов ж.-д. станции

Для сравнения необходимо привести сводку цифр, выражающих заготовку Тульского губпродкома по всей губернии, за время с сентября по ноябрь включительно. т. е. за три месяца. Эта сводка сделана нами по депеше Тульского хлебофуражного отдела от 24 декабря.

За три осенних месяца 1918 года Тульский губпродком заготовил:

	Овса	Ржи.	Пшеницы	Гречихи.	Проса.	Всего.
В Богородицком у.	722 356	68.024	2.405	4.720	—	797 505
„ Епифанском „	220.320	16.682	390	—	—	237.392
„ Новосильском „	292.422	162.327	25.810	5 623	149	486.331
„ Крап. и Черн. „	761.978	89.839	450	12.003	—	864.270
„ Веневском „	144.169	37.991	15.708	—	—	197.868
„ Белевском „	33.150	1.961	—	35	12	35.158
„ Одоевском „	15 326	—	—	—	—	15.326
Итого . .	2.189.721	376.824	44 763	22 381	161	2.633.850

Значит, регулярно действующий орган, имеющий разветвления по всей губернии, заготовил в 90 дней менее того, что было заготовлено экспедицией в 40—50 дней. А ведь Тульский губпродком считался в то время в ряду лучших губпродкомов Республики.

И дело тут не в лицах, а в принципе, хотя „широкая техника“ руководителей—не последний момент.

7. Реализация заготовленных продуктов.

Тульская губерния считала себя в разряде потребляющих губерний. Она получала, правда, наряды на заготовку продуктов для других губерний, но не выполняла их. Самые наряды на Тульскую губернию Наркомпрод выписывал скорее для „сбалансирования“ своих планов, чем по твердой уверенности в действительности этих нарядов.

Так по планам продовольственного снабжения Республики Тульская губерния должна была отпустить (тысяч пудов):

	В СЕНТЯБРЕ.		В ОКТЯБРЕ.	
	Зерно-фуража.	Хлебн. продукт.	Зерно фуража.	Хлебн. продукт.
Московскому Продсовету . . .	100	—	100	—
Петроградскому Компроду. . .	50	—	50	—
Фабр.-заводск. и топливн. рабочим	3	22	4	11
Железным дорогам	47	—	27	55
Военному ведомству. . . .	—	40	—	36
Итого. . .	200	62	181	102
	262		283	

Никак нельзя было позавидовать нашим столицам и другим получателям с Тульской губернии. И, конечно, все эти получатели настойчиво обивали порог Наркомпрода, выпрашивая более верные, чем Тула, районы.

И однако... Не бывает чудес, все-же чудо совершилось. Тульская губерния превратилась в одну из наиболее верных производящих губерний, Тула стала давать гораздо больше, чем от нее требовали, черпая, казалось-бы, неистощимые запасы из одного лишь своего уезда — Ефремовского.

Раньше этот уезд, как и вся губерния, не отличался никакими добрыми особенностями. По 22 ноября он выполнил следующие наряды для населения и воинских частей:

	Ефремовскому упродкому	Тульскому губпродкому.	Всего пудов.
Гречиха.	—	749	749
Мука пшеничная . .	100	544	644
„ ржаная .	—	62.497	62.497
Пшеница	350	530	880
Рожь	46.822	—	46.822
Овес	78.000	1.350	79.350
Итого. . . .	125.272	65.670	190.942

Скромные цифры, неправда-ли?!

На 6 декабря та же самая табличка приняла уже более солидный вид, а именно:

	Ефремовскому упродкому.	Тульскому губпродкому.	Всего пудов
гречиха.	401	1 333	1.734
мука пшеничная	100	544	644
мука ржаная	763^{20}	68.297	69 06[illegible]
пшеница	1.193	3.416	4.609
рожь.	144 357[illegible]	59 953	204 310
овес	178 362	—	178 362
Итого. . . .	$325\ 177^{15}$	138 514	458 722

За 14 дней экспедиция могла дать для местных нужд в два с половиною раза более того, что было дано уездам ранее (26%).

Экспедиция совершила чудо и в отношении всей губернии.

Как в Вятских Полянах, так и здесь, в Ефремове. А. Г. Шлихтер придерживался весьма мудрого правила—удовлетворять в первую голову местные нужды.

22 октября обращаются к нему с просьбой о продовольственной помощи рабочие Старо-Горкинской мануфактуры. Они заявляют, что с Пасхи не получали продовольственных пайков. Люди совершенно истощены, больницы при фабрике переполнены. Посланные за хлебом делегации вернулись ни с чем. Составленный из рабочих фабрики реквизиционный отряд работает в Тульской губ. по выполнению московских нарядов, не имея возможности ничего дать своим товарищам, пославшим его. Будет хорошо, если тов. Шлихтер отпустит фабрике хотя-бы вагон хлеба. .

Этот вагон был срочно послан старо-горкинцам.

25-го октября железнодорожники Тульского района, ссылаясь на свое бедственное положение и деятельное участие в работах экспедиции, просят А. Г. Шлихтера отпустить им хлеб—на 27.000 едоков. Они обещают доставить в срок все оправдательные документы в израсходовании отпущенных продуктов и своевременно произвести оплату

И чрезвычайный комиссар отдает распоряжение—отпустить из Епифани в адрес Тульского продовольственного отдела Моск.-Курской ж. д. 1.000 пудов ржи.

Требует ли хлеба население города Тулы,—этот хлеб отпускается без задержки, нуждается ли в продовольственной помощи утопающий в хлебе г. Ефремов,—помощь оказывается экспедицией и в этом случае. Легко понять, какое громадное пропагандистское значение имели такие отпуски.

Но Шлихтер не забывал, что ефремовская или тульская нужда не идет ни в какое сравнение с нуждою рабочего населения севернее лежащих промышленных центров. И он организует погрузку продовольствия так, чтобы хлеб полился рекою на север.

Всего отправлено экспедицией из ее заготовок в Тульской губернии:

	на 1 декабря	на 6 декабря.	на 26 декабря.
овса	1.141.731	1 187.665	1 295.920[15]
ржи	826 350[38]	862.720[33]	924.957[11]
пшеницы	28.934[05]	29.737[05]	31.190[05]
муки пшеничной	4.724	4.724	4.724
муки ржаной	113.240[10]	113.647[39]	141.274[15]
муки овсяной	112	112	427
гречихи	1.333[20]	1 734[20]	3.361[20]
итого	2.116.425[33]	2.200 341[07]	2.401.854[26]

Отсюда видно, что хлеб не залеживался на пунктах экспедиции, он из закрома крестьянина поступал прямо в вагон.

По получателям эти продовольственные грузы распределялись следующим образом:

	На 1-е декабря.		На 26-е декабря.	
	Вагонов (американской системы).	Пудов.	Вагонов (американской системы).	Пудов.
1 Для населения и войск Тульск. г.	117	380.994^{05}	224	647.376^{10}
2. Для рабочих фабрик Тульского района	1	1.000	1	1.000
3. Для рабочих каменноугольных копей Подмосковного района	12	7.422^{18}	12	7.422^{18}
4. Для рабочих и служащ. разных ж. д. линий . . .	80	99.970^{20}	100	119.057^{08}
5. Для рабочих и населения Петрограда	275	437.996	275	437.956
6. В адрес Наркомпрода для распределения среди московск. рабочих и голодающего населения прочих районов . . .	618	$1.189.042^{30}$	618	$1.189.042^{30}$
ИТОГО . . .	1.103	$2.116.425^{33}$	1.230	$2.401.854^{26}$

Из этой таблички видно. что больше четверти всего отправленного экспедицией по 26 декабря хлеба ушло на покрытие тульских нужд. Красные патриоты лишаются повода роптать: нас, мол, грабят... С другой стороны, не имеют право роптать на Шлихтера и московские и петроградские пролетарии: им дано в общей сложности не менее 45% всего запаса. Щедро оплачены за их работу по продвижению шлихтеровских маршрутных поездов и железнодорожники.

Как-же сумела экспедиция погрузить и отправить в столь краткий срок такое громадное количество хлеба? Секрет в организации самых перевозок. секрет в дружественных отношениях с железнодорожниками. которые могут творить чудеса. если пожелают.

Еще до начала сыпки, 12 сентября была созвана специальная комиссия железнодорожных агентов Тульского узла для обсуж-

дения вопросов перевозки заготовленных экспедицией продовольственных грузов—с четырех станций Ефремовскаго уезда в Москву.

Комиссия пришла к следующим выводам:

а) Около двух миллионов пудов хлебных грузов можно перевезти с указанных станций в Москву в течение приблизительно 35 дней, считая по два поезда в сутки, каждый в составе 32 вагонов (из коих один—для охраны и один—для поездных бригад), т. е. с чистым грузом в 30 тысяч пудов.

б) Депо ст. Ефремов должно быть снабжено достаточно мощными паровозами; при каждом таком паровозе должен быть классный вагон для отдыха паровозных бригад.

в) При каждом маршрутном поезде должны следовать смазчики и слесаря—в необходимом количестве, дабы избежать выкидываний из состава легко больных вагонов.

г) Для надзора за своевременным формированием „маршрутов", подачею паровозов и проч. должен быть назначен договорившимися дорогами специальный агент - с достаточно широкими полномочиями.

д) Подаваемые под погрузку вагоны прямого назначения, должны быть тщательно осмотрены как в парке, так и на самой станции погрузки. Если это требование будет соблюдено,—можно сократить обычный осмотр вагонов в пути.

е) Отцепка груженых вагонов в пути не допускается; поезд ждет перегрузки и забирает груз с собою в другом -здоровом— вагоне. В обеспечении скорейшей перегрузки дороги обязуются держать на определенных станциях хорошо осмотренные подменные вагоны. К перегрузке привлекаются, в случае надобности, все сопровождающие поезд лица, их труд оплачивается из станционной выручки.

ж) Формирование „маршрутов" из американских вагонов комиссия не одобрила, в виду плохого оборудования воздушными тормозами, обязательными при таких составах.

з) Максимальная стоянка поездов для набора воды и технического осмотра—20 мин. Для набора нефти в Узловой и для согласования с пассажирскими на Туле-Курской - 1 час.

и) Погрузка „маршрутов" должна производиться, если понадобится, круглые сутки, почему комиссия рекомендует усилить штат служащих станций отправления.

к) Ведающий движением маршрутов агент, должен быть назначен до начала погрузки (до 20 сентября).

Далее в протоколе комиссии содержится ряд технических предложений, облегчающих дело, но неинтересных для читателя.

Железнодорожники сдержали свое обещание свято. Движение маршрутных поездов Шлихтера совершалось с точностью часового

механизма. С 24 сентября по 13 октября, изо дня в день Москва получала от Ефремова приятные сюрпризы, а именно:

1	маршрут	—24/IX—13	ваг.	вес.	груза	—29.400	пудов.
2	„	—25/IX—13	„	„	„	—28.631^{20}	„
3	„	—26/IX—15	„	„	„	—29.902	„
4	„	—27/IX—14	„	„	„	—29.067^{20}	„
5	„	—28/IX—16	„	„	„	—30.615	„
6	„	—29/IX—16	„	„	„	—28 205	„
7	„	— 1/X—18	„	„	„	—28.781^{09}	„
8	„	— 3/X—15	„	„	„	—31.469	„
9	„	— 4/X—15	„	„	„	—30.447	„
10	„	— 5/X—14	„	„	„	—29.423	„
11	„	— 6/X—16	„	„	„	—34.425	„
12	„	— 7/X—14	„	„	„	—29.061	„
13	„	— 8/X—15	„	„	„	—31.142^{30}	„
14	„	—10/X—14	„	„	„	—19.411	„
15	„	—11/X—14	„	„	„	—22.678	„
16	„	—11/X— 9	„	„	„	—16.780	„
17	„	—12/X— 8	„	„	„	—16 600	„
18	„	—13/X—14	„	„	„	—28.294	„

Итого . . . 253 ваг. вес. груза —494.332^{29} пуд

В чей же желудок выгружались эти „маршруты"?

Вот исчерпывающий ответ Наркомпрода.

Отпущено армии	158.767^{20}
„ московскому населению	238.226
„ петроградскому населению . . .	32.061
„ провинциальным голодающим районам.	2[illegible].600
„ рабочим ж. д. и водн. транспорта .	8.470
„ промышл. и топл. предприятиям . .	7.478
„ для беженцев и пленных.	1.002
„ Нар. Комиссариату Земледелия. . .	2 622
„ для продармии	1 000
Итого	472.215^{20}

О распределении прочих продовольственных поручений из Ефремовского уезда в архиве экспедиции данных нет. Конечно эти

поступления были обращены на покрытие обычных продовольственных нарядов.

Следует отметить еще один момент в распределении хлеба. Ефремовские опыты А. Г. Шлихтера совпали во времени с знаменитой кампанией „полуторапудников“. Дело в том, что Московский совет раб. деп. разрешил в конце августа 1918 г. всем рабочим г. Москвы получать свидетельства—единоличные, а позднее было раз‘яснено—коллективные на право свободной закупки в производящих районах и провоза в Москву 1½ пуда продовольственных продуктов на каждого рабочего и члена рабочей семьи. Московское трудовое население широкой волной полилось „в деревню за полутора пудами“. Получилось узаконенное мешечничество—со всеми вредными последствиями мешечничества неузаконенного.

Чтобы парализовать дурное влияние этого акта Московского совета, А. Г. Шлихтер условился с целым рядом организаций, приславших своих представителей в Ефремов, в том смысле, что экспедиция выдаст им положенное количество хлеба из своих „маршрутов“, а они—организации—откажутся от права посылать на места своих горе-заготовителей.

В силу этого соглашения, надлежало с первого шлихтеровского поезда выдать разным организациям в Москве 8 205 п. (на 5.470 едоков) Сколько было выдано полуторапудовых порций с других „маршрутов“ экспедиции—мы не знаем.

Удалил-ли этим А. Г. Шлихтер из Ефремовского уезда всех легальных мешечников? Нет, конечно. В архиве экспедиции имеется список делегатов, приехавших в Ефремов для закупки полуторапудового пайка. В этом списке значится 14 делегатов, представлявших 989 едоков и имевших право на закупку 1.490 пуд. хлеба. Все они направлены были для закупки хлеба в Новосильский уезд, кроме двух делегатов, приобревших хлеб в окрестных деревнях в обмен на мыло, нитки и сапоги

Экспедицией был задержан между прочим один питерский железнодорожный конторщик; он приобрел свои полтора пуда у своих родственников в деревне в обмен на 8 арш. ситцу и детские сандалии. Великолепная иллюстрация родственных чувств мелких буржуйчиков!

Этот опыт тов. Шлихтера с московскими полуторапудниками указывает, в чем заключается действительная мера уничтожения мешечничества. Дайте хлеб,—исчезнут мелкие заготовители, готовые отдать жадной деревенщине последние сандалии собственного ребенка ... Впрочем, это само собою разумеется.

8. Распределение фабрикатов.

Выше уже упоминалось, что не менее четверти стоимости хлеба экспедиция А. Г. Шлихтера обещала покрыть товарами. Это обещание было дано не только в Ефремове, но и в Вятской губернии.

На совещании 22-го июля о постановке заготовок в Сарапульском уезде представитель экспедиции тов. Паволоцкий заявил, что экспедицией приняты все меры к снабжению крестьян фабрикатами. Прежде всего в обмен на хлеб предполагается пустить сахар: за каждый пуд хлеба будет даваться один фунт сахару ценою по 1 р 50 коп., остальное—до уровня твердой хлебной цены—будет оплачиваться деньгами. Приблизительно так же будет распределяться мануфактура и другие фабрикаты.

Однако, следуемые за хлеб по таким расчетам фабрикаты не будут выдаваться на руки каждому ссыпщику, а поступят в общее распределение среди населения ссыпающих хлеб районов.

Этой мерой социалистического распределения экспедиция хотела заинтересовать все население данного района - в том числе и беднейшее—в своевременном выполнении договоров на поставку хлеба. Внешний пресс должен был быть усилен внутренним прессом—давлением заинтересованных в получении фабриката неимущих групп крестьянства.

Неизвестно, сколько было отпущено фабрикатов Сарапульскому уезду. В архиве экспедиции имеются лишь данные о том, что А. Г. Шлихтер принял на себя оплату ранее отпущенной крестьянам мануфактуры. Дело в том, что Сарапульский упродком направил для товарообмена по волостям Сарапульского и Елабужского уездов 813 кип мануфактуры, полученной от Иваново—Вознесенского губсовдепа.

К 16-му августа упродком оставался должен за эту мануфактуру свыше 2.000.000 руб. Вот эта-то сумма и была оплачена экспедицией.

Обещания А. Г Шлихтера относительно товарного покрытия ссыпанных хлебов идут еще дальше в отношении Малмыжского уезда.

На совещании представителей экспедиции, инструкторов Наркомпрода и членов Малмыжского упродкома 3-го августа 1918 г. было решено, по предложению представительницы А. Г. Шлихтера тов. Белаковской, покрыть фабрикатами до 40% отчуждаемого по разверстке хлеба. Кроме того, экспедиция намеревалась выдать по полфунта сахару на каждого едока в тех волостях Малмыжского уезда, где будет производиться из'ятие хлеба по разверстке.

Представители упродкома на этом совещании, осведомляя экспедицию о нужде местного крестьянства в мануфактуре, сахаре, земледельческих орудиях и проч., просили распространить товарное покрытие и на те запасы хлеба, которые были взяты из уезда ранее.

Претензии крестьянства, как видим, шли гораздо дальше самых широких обещаний.

Какими запасами фабрикатов располагала экспедиция в Вятской губ.?

Согласно наряда Главсахара, в ее распоряжение должно было поступить для товарообмена в Вятской губ. сахара 22.425 пуд.

В счет этого наряда получено при отправлении в Вятские Поляны 16.547 пудов. В Ефремов было отправлено 3.743 пуда. Оставшееся количество было отправлено в адрес экспедиции, но экспедицией не получено. В пути кто то обменял на этот сахар свою находчивую дерзость.

Из 16.547 пудов сахара небольшая часть была продана экспедицией за наличные, *) часть отпущена разным организациям. В остатке к концу вятских операций значилось 13.739 п. 21 ф. Весь этот сахар при эвакуации сдан на хранение Сарапульскому упродкому.

О приходе, расходе и остатках мануфактуры, полученной по наряду Центротекстиля, документов не сохранилось. Известно лишь, что часть мануфактуры была передана Сарапульскому упродкому.

Более точными данными располагает архив экспедиции относительно запаса фабрикатов в ефремовский период работ.

В средине ноября 1918 года экспедиция имела:

	В количестве.	По себестоимости на (рублей)	С прибавлением организац. расходов в 5% на сумму (рублей).	Всего на сумму (рублей).
мануфактуры	316.361 арш. 95 кип. 6 ваг.	1.769.697	88.036	1.848.733
галош	6.000 пар.	112.947	5.697	119.644
стекла	300 ящ.	115.943	5.797	121.740
папирос и табаку	314 „	247.0 0	12.350	259.350
махорки	400 „	107 749	5.387	113.136
спичек	701 „	569.280	28.464	597.744

*) За наличные было продано около 100 пуд. подмоченного дождем сахара железнодорожному комитету ст. Вятские Поляны.

А. Шлихтер

	В количестве.	По себестоимости на (рублей).	С прибавлением организ расходов в 5% на сумму (рублей).	Всего на сумму (рублей).
обуви	11.120 пар.	880.892	44.044	924 936
гвоздей	700 ящ	22.379	1.119	23 498
соли	12 925 п.	72 256	3.613	75.869
лопат жел. и дер. . .	1.000 п. 5 800 шт.	15.046	752	15 798
железа кругл.	1.100 п.	13.153	658	13 811
шпилек сапожн.	35 п.	2.716	136	2.852
сахару	3.700 п.	222.000	11.100	233.100
мыла прост.	334 ящ.	120.000	6.000	126 000
ниток.	½ вагона	500.000	25.000	525 000
скобян. изделий	1 ваг.	700.000	35 000	735.000
керосина	3 „	120.000	6 000	126.000
Итого. . .	—	5.583.058	279 153	5.862.211

Когда стоимость этого запаса фабрикатов (по ценам Высшего Совета Нар. Хозяйства) была сопоставлена со стоимостью ссыпанного (вернее—договоренного) хлеба (по твердой цене), то оказалось, что товарами можно покрыть лишь 15% хлеба, а не 25%, как значилось в договорах с комбедами. Экспедиция, по независящим от нее обстоятельствам, нарушала свое обещание. Но вынужденное вероломство А. Г. Шлихтера обнаружилось уже после того, как главная масса хлеба была ссыпана. Можно предположить, что подстановка цифры 15 вместо 25 прошла незамеченной.

После сопоставления денежных стоимостей хлеба и фабрикатов предстояло проделать большую арифметическую работу. И экспедиция ее проделала, под контролем уездного комитета бедноты.

Прежде всего была составлена такая таблица.

Название волостей	Количество хлеба, договоренного к вывозу		Стоимость этого хлеба по твердым ценам.			15% этой суммы составляет	Количество наличных едоков в волости.	В среднем приходится на 1 едока в руб.	Принятая средняя после поправок	Товарные суммы, причитающиеся волости по принятой средней.
	ржи (пудов)	овса (пудов).	ржи (рубл.).	овса (рубл.).	всего (рубл.)					
1. Дмитро Локотек	50.600	47.560	918.750	997.500	1.946.250	291.937	8.295	35	Тридцать рублей	252.600
2. Дмитриевская	25.000	25.000	468.750	525.000	993.750	149.062	8.033	19		244.740
3. Шиповская.	30.000	35.000	562.500	735.000	1.297.500	194.625	9.718	21		295.290
12. Стреленская.	16.640	13.000	312.000	273.000	585.000	87.750	4.880	18		148.150
13. Хорошеводск	33.790	70.120	633.562	1.172.520	2.106.082	315.912	8.356	39		254.430
27. Волынская	30.000	30.000	562.500	630.000	1.192.500	178.875	5.647	32		171.160
ИТОГО	1.106.095	1.239.840	20.058.039	25.673.361	45.731.400	6.859.710	225.515	30,1		6.859.710

ПРИМЕЧАНИЕ: По такому же типу были вычислены данные и по остальным волостям, которые не включены в эту таблицу в целях сокращения текста.

Из этой таблицы стало видно, на какую сумму надлежит отпустить каждой волости фабрикатов.

Затем было произведено сопоставление стоимостей всех имеющихся в распоряжении экспедиции фабрикатов и вычислены %% отношения этих стоимостей.

Получилось, что из всей товарной массы экспедиция имеет (по денежной стоимости) 31% мануфактуры, 16% обуви, 12% скобяных изделий и т. д.

Теперь нужно было взять из приведенной выше таблицы ту сумму, какую данная волость должна была получить от экспедиции фабрикатами и раздробить ее согласно скале %% отношений между фабрикатами. В результате на каждую волость получилась такая табличка.

„Волость Дмитриевско-Локотецкая.

Причитается волости разных товаров в обмен на сданный хлеб *):

Название товаров.	% междутоварной разверстки.	ВСЕГО на сумму рублей.
Мануфактуры	31,0	78.306
Галош	2,5	6.315
Стекла	2,0	5.052
Папирос и табаку	4,5	11.367
Махорки	2,0	5.052
Спичек	10,0	25.260
Обуви разн.	16,0	40.416
Гвоздей	0,5	1.263
Соли	1,25	3.157
Лопат жел. и дер.	0,25	632
Железа кругл.	0,25	632
Шпилек сапожн.	0,05	126
Сахару	4,0	10.104
Мыла прост.	2,2	5.557
Ниток	9,0	22.734
Скобян. изделий	12,0	30.312
Керосина	2,5	6.315
ВСЕГО	100%	252.600

*) Подобные же расчеты были сделаны по всем волостям.

А. Шлихтер.

Теперь оставался последний этап счетной работы: нужно было общие стоимости разных фабрикатов, падающие на данную волость распределить между отдельными селениями этой волости, сообразно количеству жителей в каждом селении. Это сложное распределение было произведено после опроса волостей о населенности отдельных пунктов и вылилось в таблицы, подобные нижеследующей:

Ефремовский уезд, волость Дмитриевско-Локотецкая.

Распределение товаров по обществам волости (в рублях):

Название товаров.	%% между-товарной разверстки.	Причитается волости всего на сумму (рублей).	Название общества.	Локотцы Кологривова	Ульяновка	Лески.	И все другие селения волости.
			Колич. душ.	265	164	764	и т. д.
Мануфактура	31,0	78 306	Причитается разных товаров каждому обществу (в рублях).	2 497	1550	7.207	и т. д.
Галоши . .	2.5	6.315		202	125	581	„
Стекло. . .	2.0	5.052		161	100	465	„
Обувь . . .	16,0	40.416		1.388	800	3 720	и т. д.
Гвозди. . .	0,5	1.263		40	25	116	„
Соль . . .	1.25	3.157		101	63	291	„
Сахар . . .	4,0	10.104		322	200	930	и т. д.
Керосин . .	2.5	6.315		202	125	581	и т. д.
Всего .	100%	252600		8.056	5000	23.248	и т. д

Здесь все ясно, как на ладони,—понятно для самого темного крестьянина.

Оставалось взять товары и разослать их, согласно вот этим поволостным ведомостям, в каждое отдельное селение уезда, распределить там по душам и получить за товары деньги. *).

*) При ссыпке хлеб оплачивался твердой ценою полностью, без вычета стоимости поступающих в обмен фабрикатов.

Но эта операция прошла уже вне надзора А. Г. Шлихтера.

В „Известиях Ефремовского Совета“ от 28-го ноября сообщается, что всего на уезд экспедицией А. Г Шлихтера отпускается фабрикатов на 7 миллионов рублей, на каждую волость в среднем — на 300 тысяч рублей. Товары будут распределены через кооперативный союз.

„Товары очень доступны по своей цене беднейшему населению, и для того, чтобы этот товар не попал в руки кулаков, а после этими же товарами не началась бы спекуляция, комиссии по распределению товаров необходимо поставить самый точный контроль при отпуске его по особым, ранее составленным. спискам бедняков по селениям. Списки эти с сел сгруппировать в волостные, и весь попавшийся на долю волости товар распределить только по этим спискам“.

Далее автор рекомендует волостям возможно быстрее собрать причитающиеся за фабрикаты деньги и через свои потребительские лавки выкупить поступивший на склады Ефремовского Кооперативного Союза товар. „Наименьшая затрата времени — залог быстрого развития в стране Народного Хозяйства“, заканчивает автор. Правильно!...

Итак, население получило за свой хлеб и деньги, и фабрикаты В виду того, что твердые расценки фабрикатов были в то время весьма низки, значительно ниже утроенных в августе 1918 года хлебных твердых цен, — товарное покрытие хлеба в Ефремовском уезде было, несомненно, выше номинальных 15%. Предположительно можно сказать, что фабрикатами была покрыта третья доля хлеба. За остальные две трети было уплачено повышенной ценой.

9. Финансовый результат вятской и ефремовской заготовок.

Бумажный рубль для нас не имеет значения. Отсюда не следует однако, что бумажные рубли можно швырять направо и налево.

Государственный интерес требует возможно дольше сохранить покупательную силу наших крециток, т е. быть в расходовании их возможно экономнее.

Интересно знать, соблюдал ли чрезвычайный комиссар Совнаркома эту простую заповедь?

Чтобы ответить на этот простой вопрос, надо проделать достаточно скучную прогулку по счетам экспедиции. Если читатель не утомился, приглашаем его следовать за нами.

Комиссия по проверке отчетности вятских операций А. Г. Шлихтера предпосылает своему протоколу следующее введение.

„Произведя подготовительную работу, заключив договоры, раздав авансы для расчета агентам и разослав их по районам, экспедиция начала ссыпку и отправку хлеба.

„Развернувшиеся с необыкновенной быстротой военные события застали экспедицию врасплох, в разбросанном для работ положении.

„Спешность эвакуации отразилась на планомерности ее. Поэтому—недостача документов, несданные авансы, непроизведенные расчеты и неимение точных сведений о ссыпанных и отправленных продуктах".

Однако, соединенные усилия счетоводов самой экспедиции и приглашенных со стороны специалистов увенчались значительным успехом: перед нами лежат увесистые, весьма приятные на вид тетради бухгалтерских сводок. Если бы мы знали, по какому принципу суммировались различные статьи счетов главной книги, мы развернули бы перед читателем в наглядных (американских) таблицах весь ход финансовых операций А. Г. Шлихтера. Но мы этого принципа не знаем, поэтому пойдем иной дорогой, менее приятной, но более короткой.

Как известно, бухгалтеры, прежде чем выводить результат операций и баланс—этот экономический паспорт всякого хозяйствующего лица или учреждения,—делают оборотную ведомость, т. е. сводку всех тех сумм, которые были записаны за отчетное время в главной счетной книге.

Рассмотрим внимательно такую ведомость, изображающую вятские операции экспедиции.

1. *Счет кассы.* В дебете и кредите, т. е. на приходе и в расходе этого счета стоит сумма в 15.504.760^{77} рублей.

Откуда получила экспедиция эту сумму, начиная с 12-го июля 1918 года свою работу, и на что она ее израсходовала?

15 милл. рублей были получены от Наркомпрода, остальные 504 с лишним тысячи были заприходованы от следующих операций:

19.548^{40} рублей получены за проданные хлеб и фабрикаты (как видим, экспедиция торговлей не занималась; указанные продажи—явление случайное);

479.658^{37} рублей возвращены в течение операций уполномоченными экспедиции—это неизрасходованные ответственными лицами деньги, ранее взятые под отчет;

3.940 рублей уплачены продотрядом в счет долга и

1.614 рублей записаны на приход для исправления записи каких-то расходов по экспедиции, отмеченных ранее в более высокой сумме, чем следовало.

Итого получается на приходе кассы 15.504.760^{77}.

Расходные статьи экспедиционной кассы таковы:

2.273.373^{32} рублей выданы под отчет на заготовку разным уполномоченным и агентам экспедиции (из этой суммы, как мы видели, возвращено неизрасходованными около 480 тыс. рублей);

2.271.892^{08} выплачено в долг разным реквизиционным отрядам—на содержание их;

3.799^{45} руб. было уплачено за реквизированные и купленные хлебные продукты;

194.410^{33} израсходовано на нужды экспедиции и на операции по хлебозаготовке;

21.555^{30} списано (выведено в расход), как невыясненный пока долг за одним из уполномоченных. (Впоследствии, уже в ефремовский период, выяснилось, что этот уполномоченный отсчитался в своих авансах, тогда указанная сумма была с него списана и заприходована в кассе);

10.739.730^{29} руб. передано наличными для ефремовских операций.

Итого имеем в расходе ровно столько-же, сколько и на приходе. Счет кассы был закрыт 28 августа без остатка и без потерь.

2. *Счет Наркомпрода* — имеет в дебете, т. е. указывает долг Наркомпрода экспедиции за отправленный в его адрес хлеб и за мешки -2.844.928^{99} руб.; в кредите-же этого счета значатся такие суммы:

16.474.776^{37} за выданные экспедиции фабрикаты и наличные деньги;

355.812^{25} за отправленные в адрес экспедиции, но ею не полученные несколько вагонов сахара (эта сумма будет снята с экспедиции, когда окончательно выяснится, что сахар разворован кем-то в пути, пока-же она значительно отягчает результатный счет экспедиции);

1.354 руб.—долг экспедиции Наркомпроду по невыплаченному своевременно гербовому сбору: Наркомпрод оплатил гербовыми знаками денежные документы А. Г. Шлихтера и свой расход записал долгом за экспедицией;

2.844.928^{99} руб., т. е. сумма, равная долгу Наркомпрода экспедиции, перенесена на счет разных учреждений, иными словами, экспедиция консолидировала свои обязательства перед Наркомпродом, передоверив последнему свои права на получение с ее должников, чем, конечно, увеличила собственную перед Наркомпродом задолженность. Отправляясь в Ефремов, на новую работу, А. Г. Шлихтер не имел возможности отыскивать те воинские части, которым он отпустил в долг деньги и продовольствие, а также и тех продовольственников, которые, не покрыв перед ним своих обязательств, перешли на новые должности по Наркомпроду или остались за линией военного фронта.

Таким образом, в кредите счета Наркомпрода появилась сумма в 19.676.871^{61} рубль. Вычтя отсюда сумму дебета в 2.844.928^{99} р., мы получим чистый долг экспедиции центральному продовольственному учреждению в 16.831.942^{62} р. Эта сумма и перенесена в пассив (на долговую сторону) заключительного баланса по вятским операциям

3 *Счет фабрикатов* имеет на приходной стороне стоимость полученных из разных источников фабрикатов в сумме 1.476.902^{82}; на расходной стороне этого счета стоят следующие цифры:

166 959^{25} стоимость проданного и отпущенного разным учреждениям сахара;

1.515^{50} скидка с цены подмоченного сахара (скинуть с цены продукта равнозначимо с отпуском лишнего продукта, почему сумма скидки и значится на расходной стороне);

1.303.092^{57} стоимость оставленных в Сарапуле, при эвакуации, сахара и мануфактуры; наконец

5.335^{50} стоимость фабрикатов, проданных по мелочам, (вероятно, на обмундирование сотрудников) и списанных за порчей или потерей.

Следовательно, на расходной стороне счета фабрикатов мы имеем столько-же, сколько и на приходной—1.476 902^{82} рубля. Это значит, что экспедиция потеряла при эвакуации весь тот запас фабрикатов, который имела.

4. *Счет хлебных продуктов* заприходован так:

Поступило хлебных продуктов от невыясненных кредиторов, а такж-же от крестьян по договорам и от мешечников и спекулянтов (конфисковано и реквизировано) всего на 943.827^{46} рубл.;

отнесено на стоимость заготовленного хлеба разных расходов по его заготовке 403.563^{28} р. (расходы эти удорожили хлеб, иными словами, как бы увеличили количество заготовленного хлеба, почему и внесены на хлебный приход. Логически этот прием правилен, бухгалтерски—нет: такого рода зачеты лишают отчетнотть наглядности и простоты, затрудняют критику операций);

Списано на счет хлеба для исправления других счетов (мелкие ошибки в предварительных расчетах и проч.)—35^{50} р

Итого заприходовано хлеба на сумму 1.347.426^{24} руб.

Израсходовано хлеба:

отправлено Наркомпроду маршрутными поездами на 2.756.741^{49}, продано на 1151^{65}, отпущено разным организациям на 210.164^{77}, списано на другие счета (по мелким операциям) на 2.142^{68} итого израсходовано хлеба на сумму в 2.970.200^{59}.

Нельзя израсходовать больше того, что заприходовано. Если цифры опровергают эту аксиому, значит дело не в количестве

хлеба, а в разных ценах на хлеб: хлеб принимался по одной цене, а отпускался по другой, повышеной цене. Разница в суммах расхода и прихода указывает на чистый денежный остаток от операций экспедиции. В данном случае чистый остаток равняется $(2.970.200^{59}-1.347.426^{24})$ $1.622.774^{35}$.

Бухгалтерией экспедиции вычислено, на основании приведенных цифр, что 1 пуд хлеба в зерне обошелся экспедиции, со всеми накладными расходами, в 7^{60} руб., со включением и организационных расходов экспедиции —9^{02} руб., а с расчислением на заготовленный продукт еще и стоимости потерянных в Сарапуле грузов—в 16^{40} руб.

Все это очень низкие цены. А ведь экспедиция взяла бесплатно, как увидим ниже, ничтожное количество хлеба; как общее правило, она платила твердую цену. Тот же хлеб, который она не успела оплатить, помечен в особом долговом счете, он принимался во внимание при исчислении себестоимости, как и всякое другое подлежащее оплате обязательство.

5. *Счет реквизированных продуктов* указывает, что было реквизировано разного хлеба (и фабрикатов) на сумму всего 12.209^{86}. Отсюда списано 1503^{70} р на счет фабрикатов, 10.571^{16} на счет хлебных продуктов и 135 р. на счет мешков (тары). Этими списываниями счет закрыт.

6. *Счет расходов по экспедиции* указывает, что за время с 12 июля по 28 августа экспедицией израсходовано: 132.655^{65} руб. на вознаграждение сотрудников, 116.634^{93} р. на провоз фабрикатов и имущества экспедиции, 7.059^{21} р., на содержание своего отряда; остальное —4.497^{73}—истрачено на почтовые и гербовые оплаты, на извозчиков и т. п. (в том числе расход в 4.015 р был произведен в связи с эвакуацией, когда об экономии нечего было думать). Разговоры о сказочной расточительности советских комиссаров в данном случае не находят подтверждения.

7. *Счет расходов по заготовке хлеба* регистрирует: расход на оплату возчиков хлеба от мест ссыпки к станциям—в 255.327^{34}, оплату железнодорожных тарифов в сумме—74.928^{84}, вознаграждение грузчиков—59.944^{93}, наконец расходы по раз'ездам служащих и проч в сумме 10.302^{82} р. Все эти расходы, как мы уже говорили, целиком (400.503^{93}) списаны в стоимость хлеба (см. счет 4-й), чем счет и закрыт.

8. *Счет авансов* указывает, что за время работ экспедиции было выдано на руки ее агентам и уполномоченным всего $2.273.373^{32}$ р., было получено этими служащими от должников экспедиции 755.800 р. и от других операций (продажа продуктов, невыдача своевременно по поручению экспедиции жалованья сотрудникам и т. п.) 4.491^{43} р. Итого подотчетные лица задолжали

экспедиции 3.033.664^{75} р. В покрытие этого долга ими представлены: остатки наличных денег—479.658^{37}, счета в выдаче в долг от имени экспедиции разным учреждениям 1.286.983, документы в произведенных расходах на сумму 178.054^{16}, расписки в выдаче продотрядам и в оплате хлеба 8.830 р. Следовательно, они отсчитались в израсходовании 2.253.525^{83} р., а в израсходовании остальных полученных ими 780.138^{92}, не отсчитались. Расчеты со служащими по этому долгу экспедиция передала—в сумме 6.863^{10} ефремовским своим операциям, а в сумме 773.275^{82} р—Наркомпроду, так как сведений о должниках у самой экспедиции не было *).

Кто эти должники? На 40 тысяч р.—агенты работавшего по поручению экспедиции Продпути, на 250 тысяч—агенты Московского областного прод. комитета, на 479.225 р—заведующий хлебным отделом Сарапульского упродкома.

Остальные должники—на мелкие суммы или командиры кочующих продотрядов, или служащие местных продовольственных учреждений следы которых, в связи с наступлением белых, потеряны.

9. *Счет разных учреждений и лиц* рассказывает, как неаккуратны должники в Советской России.

Экспедиция отпустила в кредит продукты и деньги следующим учреждениям и лицам:

Первому Вятскому продовольственному полку на 2.655.811^{48}.

Московскому областному продов. комитету . . 275.000,

агентуре Продпути 500.000,

Петрокомпроду . . . . 12.855^{70}

разным воинским частям . . . . 62.372^{96}

железнодорожным организациям . . . . . . 240.914^{96}.

Сарапульскому упродкому и совету крестьянск. депутатов и Вятскому Губпродкому . . . . 76.935.

А. Г. Шлихтеру . . . . 1.500.

наконец перенесена на счет Наркомпрода та сумма, о которой шла речь в пункте втором,—2.844.928^{99}.

*) Впрочем, эта сумма осталась на счете подотчетных лиц, Наркомпродом она не кредитовала; ее не надо смешивать с той консолидирующей суммой, о которой говорилось под пунктом 2-м и о которой будет сказано под п. 9.

г Ефремов. В ожидании расчета за хлеб.

Итого экспедиция кредитовала разные учреждения и лиц на сумму в 6.670.319^{09}.

Уплатили свои долги экспедиции лишь „Продпуть" (480 тыс. из 500 тыс.), Вятский полк (281 т. из 2.374 т.), один начальник воинской команды да сам Шлихтер (эти двое—полностью)—всего на сумму 763.323^{75}. Эта сумма списана. На счету остались:

непогашенные долги разных учреждений и лиц 3.062.066^{35} р. и снесенная на счет Наркомпрода сумма в 2.844.928^{99} р., а всего 5.906.995^{34}. Это экспедиция имеет получить. Сама же она должна непогашенную ввиду эвакуации сумму 69.607^{06} лишь Малмыжскому упродкому.

10. По *счету реквизиции* значится: конфисковано у разных лиц за самогонку и спекуляцию хлеба и фабрикатов на 10.431^{66} руб. и списано на счет свободных остатков, т. е. как бы в прибыль экспедиции.

Из этого счета видно, что система насилия не была у А. Г. Шлихтера в большом почете.

11. По *счету тары* (мешков) отмечается в приходе мешков на сумму 75.948^{50} (полученных главным образом от крестьян, расплатиться с которыми не успели), в расходе: отпущенных с продуктами мешков, потерянных при эвакуации и переданных в Ефремов для дальнейших операций - всего на сумму 106.456^{25}. Если считать, что оставленные в Сарапуле во время эвакуации мешки не пропали, то по счету тары экспедиция имеет чистую прибыль в 30.507^{75} р., которая получилась оттого, что экспедиция считала расходуемые мешки дороже, чем приходуемые.

12. Счет *товаров в пути* имеет в приходной графе стоимость отправленного Наркомпродом, но не полученного экспедицией сахара в сумме 355.812^{25} р., в расходной графе значится стоимость находящегося в пути и перечисленного за ефремовским периодом сахара в сумме 224.580 руб. Разница по этому счету в 131.232^{25} р. оставлена пока на счетах экспедиции, как положительная величина.

13. По *счету скидок* упоминавшаяся ранее скидка за подмоченный сахар в 1515^{50} р. выведена в убыток и тем весь счет исчерпан и закрыт.

14. Счет *кредиторов к выяснению* имеет в виду тех крестьян, с которыми некогда было расчитаться за хлеб и мешки. Экспедиция осталась в долгу перед этими неизвестными пока гражданами на сумму 810.602^{23} р.

15. Содержание *счета потерь при эвакуации* сно из предыдущего. Пока не выяснена судьба оставленного в Сарапуле

запаса сахара, мануфактуры и мешков, до тех пор стоимость этого запаса в сумме 1.306.149[72] р. не может быть списана в убыток или занесена, как долг, на счет того учреждения, которое этот запас хранит или уже израсходовало

16. Счет *Ефремовской экспедиции* (это-та-же самая вятская экспедиция, лишь другой период и другое место ее работ) указывает, что для продолжения работ в Тульской губернии было передано (и списано со счетов вятского периода): наличными деньгами 10.739.730[29], фабрикатами (в пути и тарой)—226.034[25] р., разного рода обязательствами перед экспедицией подотчетных лиц на сумму 30.084[90]; итого на сумму 10.995 849[44].

17. По *счету свободных остатков* записаны прибыль и убытки экспедиции. Прибыли слагаются из упоминавшихся ранее разниц в ценах на хлеб и мешки и из стоимости конфискованных продуктов, фабрикатов и мешков. Общая сумма таких прибылей равна 1 666.753[76].

Убытки—это скидка за пресловутый подмоченный сахар и стоимость списанных (испорченных или потерянных продуктов). Общая сумма таких убытков 4.555[50].

Следовательно, чистых свободных остатков экспедиция имеет от вятского своего периода 1.662.198[26].

Теперь читателю будет вполне понятен и баланс вятского периода экспедиции т. Шлихтера.

Этот баланс—на 28-ое августа 1918 года—имеет такой вид:

(См. след страницу)

АКТИВ.

(Экспедиция имеет):

1. Авансов, выданных разным лицам и не возвращенных к 28-му августа 1918 года.	773.275^{82}
2. Сумм, числящихся за разными, не покрывшими своего экспедиции долга, учреждениями	5.906.995^{34}
3. Товаров в пути (сахар)	131 232^{25}
4. Оставленных в Сарапуле фабрикатов и мешков.	1.306.149^{82}
6. Денег и фабрикатов, отправленных в Ефремов.	10 995.849^{44}
Итого имеет разных на других лицах и учреждениях обязательств, а также товаров и денег	19.113.502^{67}
Баланс	19.113.502^{67}

ПАССИВ.

(Экспедиция должна):

1. Наркомпроду за полученные от него деньги и фабрикаты и за переданные ему долги экспедиции.		16.831 942^{62}
2. Малмыжскому упродкому		69.607^{06}
3. Неизвестным пока гражданам за принятые у них мешки и хлеб		810.602^{23}
Итого экспедиция должна разным учреждениям и лицам		17.712 151^{91}
4. Осталось от разницы в заготовительной и отпускной цене	1.662.198^{26},	
за вычетом расходов по экспедиции в сумме	260.847^{50}	
остается свободный излишек в сумме.	1.401.350^{76}	1.401.350^{76}
Баланс		19 113.502^{67}

Выражаясь коммерчески, экспедиция закончила свои операции в Вятской губ. с прибылью в 1.400 с лишним тысяч рублей. Если скинуть с активной стороны баланс (отнести в убыток) те ценности, какие оставлены в Сарапуле, -всетаки не получится убытка.

Но надо принять во внимание еще одно обстоятельство—это крайнюю платежную сомнительность некоторых должников экспедиции. Некредитоспособность этих учреждений и лиц зависит, однако, не от их нечестности, а от общих условий. Где те ответственные агенты, которые не успели отсчитаться перед экспедицией? Часть их осталась у белых: один из них, самый крупный должник, сдал числящиеся за ним деньги в одно из вятских учреждений, в чем имеется расписка, но находится ли в пределах республики самое это учреждение? Где отыскивать и все те воинские части, которым было отпущено довольно много продукта? Со временем они, быть может, и найдутся, но в каком состоянии их отчетность? Так как документальный архив экспедиции тоже не в блестящем положении могут возникнуть трудно разрешимые споры...

В конце концов баланс вятского периода может принять совсем иной вид, пока же, не смотря на некоторые темные цифры,—он превосходен: за свои 16 миллионов р. Компрод получил от экспедиции несколько поездов дешевого хлеба и около $1\frac{1}{2}$ мил. прибыли, т. е. заработал в лице экспедиции 8%. В чрезвычайно тяжелых политических условиях и в виду краткости срока—блестящий коммерческий результат.

Наркомпрод коммерцией не занимается. Ему важны не эти 8%, а хлебные поезда. И хлебные поезда имеются налицо.

Теперь попросим читателя последовать за нами в столь же неинтересную, но полезную экспедицию—по счетам ефремовского периода.

Откладывая в сторону начальный баланс этого периода, составленный на 27 августа 1918 г. и содержащий в себе все те суммы (стоимость товаров и цена обязательств), которые перешли от вятского периода, мы приступаем непосредственно к анализу отдельных счетов.

а) *Счет Наркомпрода* содержит на правой стороне такие цифры:

$54.659.303^{53}$—отпущено экспедиции наличными деньгами из кассы Наркомпрода.

$4.231.264^{26}$—отпущено экспедиции фабрикатов (мешков),

121.741^{74}—приняты Наркомпродом обязательства экспедиции по ее денежным долгам разным лицам.

Итого экспедиция задолжала Наркомпроду за ефремовский период $59.012.309^{53}$.

В погашение этого долга экспедиция передала Наркомпроду обязательствами ее к разным лицам и наличными всего 4.802.050 р.

Следовательно, к концу ефремовского периода экспедиция имела долгу Наркомпроду $54.210.259^{53}$.

б) *По счету главной кассы* экспедиции значится получений:

от Наркомпрода	$54.659.303^{53}$ р.
возвращено подотчетными лицами и мелкими должниками	$1.444.928^{12}$ р.
возвращено в погашение перерасходов, а также поступило от продажи мелких партий продуктов	18.101^{47} р.
возвращено наличными из отделений главной кассы	$2.872.069^{59}$ р.
поступило из провиантского склада экспедиции за отпущенные сотрудникам и продармейцам экспедиции продукты и фабрикаты	11.597^{08} р.
Итого заприходовано главной кассой денег на сумму	$59.005.999^{79}$ р.

В расходе кассы отмечены:

$1.556.666^{93}$ — расходы на жалованье сотрудникам, на содержание канцелярии и т. п., а также мелкие расходы.

327.174^{34}—расходы по заготовке хлеба.

$9.254.457^{67}$—уплачено крестьянам за хлеб.

$23.871.437^{42}$—выдано разным лицам и учреждениям.

23.869.200 р.—перенесено в отделения главной кассы (на ссыпные пункты).

127.063^{43} р уплачено за провоз фабрикатов и починку тары.

Итого в расход наличных денег выведено по счету главной кассы $59.005.999^{79}$ р. Касса закрылась без остатка. Это об'ясняется передачей всех оставшихся от ефремовской работы сумм украинскому Наркомпроду.

в) *По счету товаров в пути* значится, что отправлено в адрес экспедиции и не получено ею всего товаров на сумму 227.751^{84} р. С этого счета списана на счет потерь стоимость утечки сахара в 3.745^{50}, а на счет фабрикатов 220.834^{50}. Разница в 3.171^{84} впоследствии списана на баланс.

г) *По счету тары* видно, что стоимость поступивших в экспедицию за ефремовский период мешков выражается суммою в $5.292.933^{04}$ р. Всего списано с этого счета за мешки, переданные разным учреждениям, а также перечисленные на пункты и проч. 6.866.481 р. Разница между указанными суммами в $1.573.547^{96}$ р. считается прибылью экспедиции, проистекающей от более повышенной расценки отпущенных мешков, и списывается на счет свободных остатков.

д) *По счету служащих* отмечается, что всего следовало выдать сотрудникам экспедиции в счет жалованья и по авансам

под жалованье 633.589^{27} руб. выдано-же на 42 руб. менее. Эти 42 руб. перенесены на баланс, как долг экспедиции кому-то из служащих.

е) *Счет разных учреждений и лиц* исчисляет долги разных учреждений экспедиции всего в сумме 65.875.288^{92} р. Наиболее крупными должниками являются: Тульский губпродком—на 12.396.090^{55}, Ефремовский упродком—16.683.502^{59}, Петрокомпрод—около 9 мил. руб., Наркомпрод—около 25 мил. руб., ефремовские агенты экспедиции—хлебосоюз и районный союз кооперативов—около 2 мил. руб., наконец ряд железнодорожных продовольственных комитетов—на сумму в общей сложности свыше 1 мил. руб.

Долг экспедиции разным учреждениям—(кроме Наркомпрода, конечно), исчисляется в сумме 2.513.821^{97}; наиболее крупными кредиторами экспедиции выступают: Петроградское отделение Главпродукта—на сумму около 2 мил. руб, Высший Совет Народного Хозяйства—около $^1/_2$ миллиона руб, Особая Комиссия по перевозке волжск. грузов (Волгопрод)—35.000 руб., Нобель—30.000 руб. и т. д.

Как первый, так и второй итоги фигурируют на балансе. Значит, мы еще встретимся с ними.

ж) *По счету подотчетных лиц и учреждений* видно, что экспедиция выдала этим лицам и учреждениям (т. е. ее агентам в работе) наличными деньгами и всякого рода обязательствами всего 5.553.624^{66}, от них же получила остатков наличных денег и счетов на произведенные законные расходы на сумму 5.461.592^{70}. Значит, в сумме 92.031^{96} эти лица и учреждения к моменту закрытия главной книги, т. е. к 1 июня 1919 года, еще не отсчитались. Эта сумма значится на балансе как активная, т. е. такая, которую экспедиция надеется вернуть. И вернуть ее можно, не всю правда, но для этого необходимо отыскать несколько десятков лиц, рассеянных теперь по разным продовольственным учреждениям Республики, и две—три организации.

з) *Счета расходов по заготовке хлеба крестьянского и экономического и по экспедиции* указывают на следующие затраты:

406.962^{22} израсходовано непосредственно на заготовку крестьянского хлеба,

963.845^{03} затрачено при заготовке экономического хлеба (на вывоз этого хлеба к ссыпным пунктам и проч.),

950.413^{94} израсходовано на канцелярию, раз'езды, содержание продовольственных отрядов и т. п.

783.562^{72} подлежало уплате и выплачено сотрудникам жалованья.

Итого израсходовано экспедицией 3.104.783^{91} руб.

Возвращено и списано в исправление со счета расходов:
25.686^{63} — мелкими суммами,
401.828^{22}—перечислено на счет заготовленного хлеба (т. е. сделано то-же, что делалось в отчете за вятский период).

Итого списано со счета расходов—427.514^{85}. Действительный расход экспедиции на оплату служащих, содержание прод. отрядов, разъезды, почтово-телеграфные оплаты, гербовый сбор и проч. и проч. равен $2.677.269^{06}$ руб. Эта сумма и снесена на баланс.

и) По *счету фабрикатов* всего заприходовано на сумму в $4.687.118^{52}$; это себестоимость поступивших в экспедицию (главным образом от Наркомпрода) фабрикатов.

Отпущено экспедицией разных товаров (главным образом Ефремовскому упродкому, вернее— укомбеду для распределения среди крестьян) на сумму в $5.155.016^{43}$.

Разница в суммах получения и отпуска (отпущено на большую сумму, чем принято) падает на повышение расценок. Это разница 467.897^{91} —отнесена на счет свободных остатков (прибыли).

к) Счет *хлебных продуктов* указывает, что экспедицией принято хлеба:

крестьянского на сумму	$33.074.610^{69}$
экономического*) „ „	$2.931.407^{70}$
с мельниц „ „	709.689^{89}
конфискованного и реквизир.	8.912^{06}
от разных учреждений (гл. обр. Епифанск. упродкома)	$6.600.410^{57}$
Итого на сумму	$43.325.030^{91}$

Далее, этот счет заприходовал все траты экспедиции, связанные с заготовкой хлеба, в сумме 401.828^{22} в стоимость принятого хлеба, наконец им заприхована также солидная сумма в $2.695.695^{25}$, которая является чисто бухгалтерской (внесена для исправления ошибок, вкравшихся в другой счет—счет тары). Таким образом, общий приход хлеба по экспедиции выражается в сумме $46.422.554^{38}$.

В расходной странице этого счета стоит цифра в $53.996.544^{39}$.

Как и в счете фабриката, приход менее расхода. Причина та же—повышенная расценка отпущенных продуктов Разница—$7.573.990^{01}$ сносится, как и в счете фабрикатов, как и в счете тары, на свободные остатки.

---

*) За экономический хлеб экспедиция ничего не платила. Оплачивался лишь подвоз этого хлеба к ссыпным пунктам. Предполагается, однако, что стоимость экономических хлебов придется оплатить, исключив издержки реализации их, Народному Комиссариату Земледелия. Поэтому сумма в $2.931.407^{70}$ перенесена на временный счет, а оттуда—на баланс, как долг экспедиции Наркомзему.

л) счет *невыясненных кредиторов* содержит в себе стоимость хлеба и мешков, полученных от невыясненных пока крестьян. Эта стоимость выражается цифрою в $1.297.997^{70}$, перенесенною на баланс, как долг экспедиции каким то гражданам, могущим явиться за удовлетворением.

м) по счету *провиантского склада* сотрудников и продармейцев экспедиции видно, что экспедиционной лавке было отпущено разных продуктов и фабрикатов (главным образом из числа конфискованных и реквизированных) всего на сумму 65.694^{03}.

Свой долг экспедиции эта лавка покрыла лишь в сумме 53.585^{53}, разница в 12.108^{50} записана за лавкой, вернее за ее заведывающим, и перенесена на баланс.

н) Счет *реквизированных и конфискованных продуктов* указывает, что экспедицией конфисковано и реквизировано разных продуктов на ничтожную сумму в 12 с небольшим тысяч рублей. Эти продукты отчасти проданы, отчасти отнесены в общий приход хлеба, частью же переданы провиантской лавке. Их стоимость, за исключением частично оплаченного, отнесена на счет свободных остатков и увеличила прибыл экспедиции на целых 11.927^{13} р.

Как видно, и в Ефремове „зверства" продовольственников обошлись кулакам и мешечникам не очень дорого

о) по счету *разниц и потерь* выведены следующие весьма показательные суммы:

стоимость недостающих фабрикатов	2.305^{17}
скинуто какому-то учреждению (б. м., упродкому) за недостачу фабрикатов.	3.354^{03}
пропало фабрикатов на.	296
списано на распыл при размоле зерна . . .	2.329^{84}
скинуто на усушку и провес хлеба.	5.720^{58}
скинуто со счета товара в пути утечки и недост.	3.745^{50}
украдено в провиантской лавке и провешено на .	2.493^{50}
Итого снесено в убыток	20.244^{62}

При громадном хозяйстве потерять на 20.000—это значит ничего не потерять. Правда, хороший вор устраивает свои дела так, что бухгалтеру его не обнаружить

Но воров в экспедиции тов. Шлихтера, повидимому не было, иначе себестоимость пуда хлеба (со всеми решительно расходами экспедиции) не обошлась бы всего в 16 р. 13 к. *).

*) Резкая разница в себестоимости хлеба вятского и ефремовского периодов об'ясняется значительной разницей твердых цен до августа 1918 г и после того. Чтобы судить, насколько мала себестоимость заготовленного экспедицией хлеба, достаточно сказать, что цена пуда ржи и овса определяется постановлением от 8 августа для Тульской губ. в 15 р. 25 к. и в 14 р. 50 к., для пшеницы-же в 21 р. 25 к. Как известно, в августе 1918 г твердые цены на хлеб были повышены почти в три раза.

п) Счет *производства* указывает, что экспедицией перемолото зерна всего, со включением расходов за перемол, на сумму 2.297.559^{89}.

Списано на счет продуктов -муки на 2.959.397^{90} и на счет потерь - стоимость распыла в 2.329^{81}. Итого списано с этого счета на 2961..727^{74}. Разница от себестоимости зерна и стоимости муки составляет (2.961.727^{74}—2.297.559^{89}) 664.167^{85}. Она списывается на счет свободных остатков.

р) По счету ***Наркомпрода Украины*** проведены следующие суммы:

получено экспедицией из кассы Укрнаркомпрода заимообразно . . . . 100.379^{78}

уплачено Укрнаркомпродом за сахар для провиантской лавки экспедиции 2.538

уплачено им же жалованье некоторым сотрудникам экспедиции . . . . 9.933^{30}

Итого позаимствовано . . . . . . 112.851^{08}

Передано Укрнаркомпроду экспедицией:

из кассы наличными деньгами . . . . . . 2.650.032^{10}

из провиантской лавки наличными . . . . . 17.915^{63}

переданы кем-то из сотрудников неизрасходованные подотчетн. деньги 8.800

Итого передано Укрнаркомпроду . 2.676.747^{73}

Следовательно, экспедиция имеет за Наркомпродом Украины 2.563.896^{65} р.; эта сумма перенесена на баланс.

с) Счет *свободных остатков*, неоднократно упоминавшийся выше, является тем фокусом, где собраны убытки и прибыли экспедиции.

Убытки—это те самые 20.244^{62}, которые фигурировали на счете разниц и потерь.

Прибыли—это настолько принятые цыфры, что их хочется еще раз привести: получено 1) на разнице заготовительных и отпускных цен на мешки . . . . 1.573.547^{96}

2) на подобной же разнице цен на фабрикаты . 467.897^{91}

3) таким же образом—на хлебных продуктах . 7.573.990^{01}

4) на разнице цен на зерно и перемолотую силами экспедиции муку . . . . 664.167^{85}

5) наконец, от конфискованных и реквизированных продуктов . . . . 11.927^{43}

А всего получено валовой прибыли—$10.291.531^{16}$. Вычтя отсюда крошечную сумму потерь и убытков,—получим свободный остаток экспедиции в сумме—$10.271.286^{54}$. Это—еще не чистая прибыль экспедиции.

Чтобы обнаружить, что же имеет экспедиция от своих операций ефремовского периода—прибыль или убыток, -надо рассмотреть и сопоставить все суммы ее наличных средств, ее обязательств на других лицах и учреждениях, ее долги разным кредиторам, наконец, ее расходы.

Такое сопоставление мы находим в заключительном балансе экспедиции, охватывающем все ее только что рассмотренные финансовые операции за ефремовский период, т. е. с 28 августа 1918 г. по 31 мая 1919 г.*). Вот этот баланс:

(См. след. страницу).

*) В действительности операции А. Г. Шлихтера в Ефремове кончились гораздо раньше— январе 1919 г. С января по май—это скучный ликвидационный хвост. Чем горячее дело,—тем длиннее обыкновенно такой хвост.

АКТИВ.

(Экспедиция имеет):

1) Товаров в пути один ваг. соли, отправлен: Волгопродом, но не полученной экспедицией . . . 3.171 ^{81}

2) Долгов на разных учреждениях и лицах . . . . 65.875.288 ^{92}

3) Долгов на Укрнаркомпроде . . . 2.563.896 ^{65}
и на провиантской лавке. . . . . 12.108 ^{50}
2.576.005 ^{15}

4) Непокрытых ее бывшими контрагентами и служащими авансов 92.031 ^{96}

Итого экспедиция имеет. . 68.546.497 ^{87}

Баланс . . . 68.546.497 ^{87}

ПАССИВ.

(Экспедиция должна):

1) Наркомпроду за деньги, товары и перенесенные на это учреждение обязательства . . . . 54.210.259 ^{53}

2) Разным лицам и учреждениям по операциям . . . . . . 2.513.821 ^{97}

3) Неизвестным гражданам за принятые от них хлеб и мешки . 1.297.997 ^{70}

4) Наркомзему за экономический хлеб . . . . 2.930.359 ^{19}

5) Бывшим служащим (за недоплаченное жалованье). 42

Итого экспедиция должна. 60.952.480 ^{39}

Свободные излишки, оставшиеся от ефремовских операций экспедиции, равны 10.271.286 ^{54}, а за вычетом расходов экспедиции на:

а) организацию и отряды . . . . 944.338 ^{76}

б) заготовку экономических хлебов. . 953.685 ^{21}

в) жалов. сотрудник. 779.245 ^{09}

итого . . 2.677.269 ^{06}

свободный остаток. . . . . 7.594.017 ^{48}

Баланс . . . 68.546.497 ^{87}

Итак, ефремовский период работ А. Г. Шлихтера дал в финансовом отношении еще более значительный результат, чем период вятский.

В отношении этого—июньского—баланса необходимо, однако, высказать те же самые холодные слова, которые высказаны нами при оценке августовского—вятского—баланса: где эти должники экспедиции? Ведь в их руках все фигурирующие на балансах свободные излишки. Собрать причитающиеся экспедиции средства — не легкий труд. Но—в этом нет вины А. Г. Шлихтера: он отпускал деньги своим контрагентам—людям и учреждениям не сомнительной репутации. Если события разбросали в разные стороны людей и оторвали самого Шлихтера от задолжавших экспедиции учреждений, - приходится винить только события и с них искать возможные убытки.

10. Несколько слов о сторонних делах.

Перерывая архив экспедиции, мы наткнулись на ряд странных рапортов. Агенты экспедиции доносили А. Г. Шлихтеру о том, как обстоит дело там или тут с какими то спектаклями, просветительными комиссиями и т. п. Что за оказия? Какое это имеет отношение к делам продовольственного учреждения?

Оказывается, что в Волынской волости была организована, при содействии агента экспедиции, инициативная гуппа по просвещению. Она выпустила воззвание, приступила к сбору средств, добилась, чтоб в ее руки были переданы так называемые штрафные суммы волости. Число ее членов быстро возрастало, притекали и средства. Скоро бесформенная группа превратилась в культурно-просветительный кружок с капиталом в 7 тысяч рублей.

Были выписаны газеты для распространения в селах, 8 декабря был поставлен спектакль, привлекший зрителей со всего округа (приезжали за 15—25 верст).

Началось заметное оживление. У руководителей дела наметились широкие планы.

Очень хорошо!

В Дарищенской волости усилиями агента экспедиции был пробужден местный отдел народного образования. Была поднята агитация за сбор денег на просвещение Собранные 11 тысяч рублей разошлись, правда, на удовлетворение острых нужд сельских школ. Но все таки удалось кое что уделить и на выписку газет.

Крестьянство заинтересовалось делом, начало усердно покрывать недоимки на содержание школ—вносили не только за 1918, но даже и за 1917 год.

Вскоре организовался просветительный кружок.

И это прекрасно!

В Бурломской волости была организована при волостном комитете бедноты культурно-просветительная комиссия. Ее протоколы показывают, что сами члены комиссии—народ не хорошо грамотный, но они обнаруживают широкие планы, которые зародились в этих пока еще темных головах.

Очень и очень хорошо!

Но в чем-же, однако, дело?

А дело в том, что Шлихтер вспомнил поговорку какого то прусского не то короля, не то генерала: „Под Садовой победил немецкий учитель". Под Садовой пруссаки разбили на-голову австрийцев, потому что имели более развитых солдат.

Кинутый волею революционного случая в темную, забитую нашу деревню—с весьма тяжелой миссией—поднять эту деревню на службу трудящимся классам и социализму, А. Г. Шлихтер счел своей обязанностью нести в эту темь не только указы и приказы о хлебе да ценах, но и два—три хороших слова о просвещении. Он нашел для этого время.

Если-бы все наши специальные работники поступали так, очень скоро не было-бы у нас места ни пьяным комиссарам, ни диким, бесцельным восстаниям...

Цена 25 руб.

Указанная на книге цена никем не может быть повышена.